

Православный Христианин

2022 - 02 (197)

12+

Пасха глазами художников

М. В. Нестеров «Святая Русь»

Е. А. Демаков «Утро Воскресения Господня»

Православный Христианин

Русская Православная Церковь
Калужская Митрополия

СОДЕРЖАНИЕ

Наша вера

2 Опыт Церкви в нравственном воспитании

(Протоиерей Сергей Комаров)

4 Благотворительная деятельность Императорского человеколюбивого общества

(Иерей Дионисий Лобанов,
Наталья Никитина)

8 Благотворитель из рода Унковских

(Елена Метальникова)

14 Неспешность и последовательность во всем

(Записала Юлия Рогова)

Светлые лики

16 Первая единоличная царица всея Руси

(Мария Тоболова)

19 Ученый архиерей

(Протоиерей Георгий Витков)

История

21 Пьер Жильяр о царской семье

(Мария Маслова)

24 Казанский женский монастырь в 1922 году

(Елена Грекова)

26 Доктрина фелиокве в Римско-католической Церкви в наше время

(Протоиерей Василий Ефремов)

Литературные страницы

29 Святой Лаврентий – заступник наш

(Александр Зуйков)

32 Главный нерв творчества Чехова

(Георгий Куликов)

36 Вдохновение на листе бумаги. Творчество Анатолия Сорокина

Журнал «Православный христианин»
Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство № 526 от 26.12.1990

Учредитель – Калужская епархия Русской Православной Церкви

Издаётся с 1991 года по благословению Высокопреосвященнейшего митрополита Калужского и Боровского Климента

Адрес редакции: 248000, Калужская обл., г. Калуга, ул. Набережная, д. 4
Телефон: (4842) 57-72-71, 56-27-00
E-mail: pravo-christ@eparhia-kaluga.ru
Группа в социальной сети «ВКонтакте»: <https://vk.com/pravhrist>

Курирует выпуск издания – руководитель отдела по информационной и издательской деятельности иерей Илья Комягин

И.о. главного редактора – Ю. Г. Рогова
Верстальщик – Ю. Г. Рогова
Корректор – Т. Н. Иванова

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ФЭСТПРИНТ», 248000, Калужская обл., г. Калуга, ул. С. Щедрина, 50 а
Печать офсетная. Формат 60x84 1/8
Тираж – 1000 экз.
Дата выхода в свет 01.04.2022
№ заказа Л - 317

Мнения авторов статей могут не совпадать с мнением редакции

Журнал распространяется бесплатно на приходах Русской Православной Церкви

Первая обложка:
Пасхальная открытка 1900 год.
Художник – Б.В. Зворыкин

ОПЫТ ЦЕРКВИ В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ

Мы со всех сторон слышим о работе в школе по духовно-нравственному воспитанию. Я хотел бы задаться вопросом: почему до сих пор не используется или применяется в малой степени многовековой опыт Церкви в этом направлении? Я сейчас не говорю о катехизации, о богословии. В Православной Церкви накоплено великое множество программ и проектов воспитания. От глиньских и оптинских старцев, до архимандритов Иоанна Крестьянкина и Иоанна Маслова, от святого Феофана Затворника, праведного Иоанна Кронштадтского до современных православных педагогов и психологов. Да, это опыт жизни веков, но как древний мудрец говорил, что «нет ничего нового под солнцем». И тогда, и сегодня есть трудности, есть соблазны, есть нарушение моральных норм и устоев, но есть и способы их преодоления.

В XIX веке многие увлекались революционным вольнодумством, эзотерикой, тайными обществами. Сегодня большинство соблазнов находится в виртуальной сети Интернет, социальных сетях, однако вольнодумства там намного больше, чем было прежде. Удивительно, что часто приходится проводить консультации по духовно-нравственному воспитанию детей, но складывается ощущение, что, произнося одни и те же слова, мы говорим о разных вещах. У школы свои духовно-нравственные методы воспитания, а у Церкви свои. И если пристально их проанализировать и повнимательнее присмотреться, то мы увидим различия в целях, основах и методах духовно-нравственного воспитания.

РАЗНЫЕ ЦЕЛИ

Цель школы - получить примерного, послушного ученика, патриота. Хорошо если с набором творческих компетенций, то есть ребёнка, за которого учителю не будет стыдно ни перед обществом, ни перед родителями. Церковь на основе христианских заповедей воспитывает человека на всю жизнь, ориентированного на внутреннее и внешнее совершенствование себя и окружающего мира. Это не воспитание на 2–3 года. Это воспитание личности для себя, для будущей семьи, воспитание на основе христианских нравственных законов. Я подчеркиваю, именно христианских нравственных законов. Приведу пример. Посмотрел примеры преподавателей различных школ по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения. Преподаватель из Омска представляет методические рекомендации: «Как использовать праздник для формирования духовно-нравственной культуры обучающихся». Слышите? Знакомые нам слова «духовно-нравственные»! И что там внутри? Праздник Святки - его языческая сторона, Масленица с Ярилой – богом солнца и так далее. А в чём духовно-нравственное назидание, в чём воспитание? Какие традиции прививаются молодым людям? И получается, к этому духовно-нравственному, в кавычках, воспитанию школа пытается подключить

Церковь – приглашает священнослужителей, иногда даже архиереев. Оказывается, под одними и теми же словами подразумеваются не просто разные, а противоположные понятия.

В ЧЕМ СОРАБОТНИЧЕСТВО

Ну если мы призываем в помощь Церковь для духовно-нравственного воспитания, почему же мы не пользуемся её наработками? Давайте вместе их рассмотрим и изложим. Если кому-то покажутся несовременными наставления духовных воспитателей XIX и XX веков, давайте их опыт переложим на современный лад, приблизим к действительности. В любом случае, его большое духовно-нравственное значение заключается в том, что руководство святых отцов как педагогов и учителей основано на евангельском опыте воспитания человека, духовном опыте Церкви по совершенствованию чад Божиих.

А вот другой открытый урок. В нем рекомендации по нравственному воспитанию, в том числе, на основе народной мудрости. Нравственное воспитание отмечено как приоритетное в педагогике. И приводится поговорка (итальянская): «От наказания хороший человек улучшается, а плохой ухудшается». Но это же цитата из Священного Писания, Книги Премудрости Соломона: «не обличай нечестивого, да не возненавидит тебя, обличай премудрого, да возлюбит тебя». До сих пор под покрывалом от нас скрывается сокровище познания истины через изучение Библии. Недавно на одном заседании в администрации чиновник, довольно молодой, приветствовал собравшихся и отметил, что присутствуют «служители культа»! Не священнослужители, не духовенство, не хотя бы представители религиозных организаций. «Служители культа!» Он не был в партии, не работал в советское время. Спустя 30 лет над нами все еще висит антирелигиозное пропагандистское иго.

Нельзя ограничиваться только практиками Василия Сухомлинского и называть его личный педагогический опыт общей духовно-нравственной практи-

кой. Есть много хороших личных примеров удачных педагогических практик, но они не заменяют духовно-нравственное воспитание в его исконном смысле – воспитание христианина, воспитание человека для святой вечной жизни.

Современная молодежь погружена в атмосферу потребления и получения удовольствия. Церковь на протяжении всего своего существования призывает крайне бережно относиться к своему времени в этой временной жизни, помнить о скоротечности земного пребывания. Сколько времени тратится впустую на просмотр видеоконтента в Интернете, общение в социальных сетях. Человек на тяжелой работе так не устает, как возле компьютера или телефона. И в основном этим виртуальным увлечениям подвержена молодежь. Никто не задумывался, почему не все в глобальной сети бесплатно, а соцсети свободны для посещения? Где бывает сыр? Кто-нибудь сейчас делает из школьников домашнее задание без ГДЗ? Без помощи Интернета, без всего готового? Дети не могут самостоятельно ничего сделать. Они стали зависимы от глобальной сети.

Зачастую молодежь отказывается от учебы в школе и институте ради быстрых денег, работая в сетях

общепита, которые, кстати, сейчас закрывают. В итоге у них нет ни профессии, ни образования. Это происходит не потому, что они такие предприимчивые. У них не поставлена стратегическая цель в жизни. Они живут одним днем. Современная жизнь показывает ошибочность такого отношения к себе и своей стране.

Промыслом Божиим обстановка вынужденно меняется. И мне совершенно не жаль, что виртуальные игры, платные приложения в телефоне, другие развлечения уходят из-за санкций, уходят из России, из нашей бытовой жизни. Теперь у наших детей будет больше свободного времени на учебу и личную жизнь. Уходит американский кофе, кола, фастфуды и пр. И это в плюс, ведь диетологи и врачи давно прогоняли их из страны. Жиреть от западной «продвинутой еды» стали не только люди, но и животные. Пора научиться, а кому-то просто вспомнить, что молодые люди могут и должны получать образование, работать не только «принеси-подай», но производить интеллектуальный, промышленный, творческий продукт для себя и своего государства.

Протоиерей Сергей Комаров

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВОГО ОБЩЕСТВА

В последние годы появилось большое количество исследований в области государственной и частной благотворительности, при этом общественное направление по-прежнему не изучено в достаточной степени. Активное участие в благотворительной деятельности в XIX — начале XX века принимали представители разных общественных организаций; ведущей среди них было Императорское человеколюбивое общество.

Начало XIX в. для российской благотворительности ознаменовано созданием первых обществ и заведений, учрежденных частными лицами под контролем государства. Их деятельность недостаточно изучена в отечественной исторической науке. Историки исследовали ее в контексте общей системы благотворительности в стране. В работах Лыкошина П. И., Власова П. В., Тончу Е. А. предприняты попытки подробно рассмотреть деятельность самой влиятельной общественной благотворительной организации — Императорского человеколюбивого общества на основе анализа ежегодно публиковавшихся этим обществом отчетов. Рескриптом от 16 мая 1802г. было закреплено создание «Филантропического общества», которое в 1816 г. под наименованием «Императорское человеколюбивое общество» получило стройную организацию и стало самой большой общественной благотворительной организацией. Первым главным попечителем общества стал князь Александр Николаевич Голицын. В своем проекте образования Императорского человеколюбивого общества он говорит, что целью образования общества является помощь «всякого рода бедным», находящимся в столице, а затем и всей империи. Важным он считает не просто творить милостыню, но создавать условия для выведения людей из нищеты. Для этого следует создать несколько комитетов по направлениям. Одно из этих направлений — воспитание и обучение полезным ремеслам малолетних бедных. «Но чтобы между всеми таковыми отдельными частями сделать стройную связь и взаимную сообщительность и движению каждой доставить более удобства к точному выполнению своих обязанностей, нахожу нужным: во-первых, учредить особое сословие под названием Совета человеколюбивого Общества, и во-вторых, преобразовать попечительский комитет». Согласно положению от 16 июля 1816 г. Совет Императорского Человеколюбивого общества состоял из одиннадцати действительных членов, в числе которых должен был быть главный попечитель в звании неперменного председателя и его помощник. Но Высочайшими повелениями, изданными в 1824 и 1825 гг., постановлено на случай отлучки и болезни действительных членов избирать шесть почетных членов с правом голоса и подписи журналов собраний. «Предмет Человеколюбивого Общества состоит в доставлении бедным вспоможения всякого рода, не только в столице, но по возможности и в других городах Империи». В обязанность общества вменя-

лось прилагать старания об учреждении сословий и заведений для призрения нуждающихся, в том числе для воспитания сирот и детей бедных родителей. Все члены Совета имеют право посещать страждущих, проводить ревизию заведений Императорского человеколюбивого общества и сообщать Совету о замеченных нарушениях.

Вместе с проектом образования Совета 16 июля 1816 г. был утвержден список членов Совета общества. Непременный председатель — главный попечитель общества, князь, тайный советник А. Н. Голицын. Три члена избраны из «почетнейшего духовенства», три члена из высших военных чинов, три из гражданских, один из придворных. 27 июля 1816 г. в доме Главного управления иностранных исповеданий состоялось открытие Совета Императорского человеколюбивого общества. Большая часть благотворительных учреждений ведомства Императорского человеколюбивого общества была основана во время председательства князя А. Н. Голицына. 16 ноября 1819 г. «Высочайше утверждены» положение и штат для Императорского института слепых, который был переведен в Михайловский замок. Согласно уставу в институт принимались бедные слепые всех возрастов и обучались грамоте и музыке под наблюдением членов Совета Императорского человеколюбивого общества. В свободное время воспитанники института занимались набором и печатанием выпуклыми литерами учебных и духовных книг, музыкальных сочинений, а также рукоделием. Вскоре после обнародования утвержденного проекта образования Императорского человеколюбивого общества несколько частных лиц, большей частью принадлежавших к высшим слоям общества в Санкт-Петербурге, изъявили желание составить особое сословие для реализации той части программы, в которой указана необходимость заботиться о воспитании и обучении полезным ремеслам малолетних бедных детей и с этой целью учредить Дом призрения малолетних бедных. 20 октября 1816 г. был «Высочайше утвержден» проект положения образования сословия и устройства благотворительного заведения. Согласно проекту в Дом призрения положено принимать беднейших детей мещан, ремесленников и вообще разночинцев не моложе шести лет. Воспитанников предполагалось обучать Закону Божию, чтению, письму, начальной арифметике. Достигнув тринадцати лет, воспитанники поручались для «приучения к полезным ремеслам» известным мастерам

и торговцам, под наблюдением членов сословия. После утверждения положения сразу было создано сословие для призрения малолетних бедных, состоящее из действительных членов и благотворителей. Действительные члены обязывались ежегодно вносить денежную сумму — не менее 50 рублей — или заменять ее «какими-либо личными трудами». Звание члена-благотворителя присваивалось тем, кто осуществлял денежные или иные пожертвования в пользу заведения. Из действительных членов избиралось восемь попечителей, составляющих комитет и обязанных по очереди наблюдать за Домом призрения. Комитет заведовал приемом бедных детей, а также попечением об их содержании и воспитании, выпуском из Дома призрения и передачей их на обучение ремеслам, т. е. наблюдением за исполнением правил и порядком в деятельности Дома призрения. Из числа восьми попечителей старший выполнял обязанности председателя, второй — эконома, а третий — казначея. Дом призрения малолетних бедных был устроен на средства кружка столичных аристократов. С. С. Ланской, граф М. Ю. Вивельгорский, А. П. Римский-Корсаков и др. обязались ежегодно вносить на содержание Дома пожертвования. Благополучно Дом призрения малолетних детей просуществовал только первые пять лет. С 1823 г. многие члены-учредители не могли платить взносы на его содержание, в связи с этим количество воспитанников Дома призрения было уменьшено. Совет Человеколюбивого общества стремился устроить собственными средствами более значимое место для воспитания бедных и бесприютных сирот. 23 октября 1817 г. специальной комиссией был приобретен каменный четырехэтажный дом за сто тысяч рублей. Работы по перестройке здания были окончены к зиме 1819 г. В делах Совета сохранились сведения о редкой заботе, с какой его члены относились к новому благотворительному учреждению. Заведывание домом было поручено правлению из директора, двух помощников и эконома или служителя. 16 ноября 1819 г. был «Высочайше утвержден» устав Дома воспитания бедных детей. Согласно ему Дом основан с целью спасения беспомощных детей от угрожающего им «праздного жития и развращения нравов, образуя из них христиан, угодных Богу и граждан, полезных отечеству».

Обучение в Доме воспитания осуществлял подготовительный курс, состоящий в основательном изучении Закона Божия, русского языка и арифметики. В случае выявления особых способностей воспитанникам дозволялось посещать высшие училища вне Дома, но под наблюдением, чтобы они оставались на содержании в Доме воспитания. Воспитанников из мещан, ремесленников и разночинцев, получавших элементарное образование, решено было передавать для обучения полезным ремеслам или, в зависимости от их способностей, к письменным или конторским занятиям. 10 марта 1820 г. состоялось открытие классов в Доме воспитания. На все содержание Дома, с жалованием должностным лицам, по первоначальному положению было назначено 35 695 рублей 50 копеек ассигнациями. Но уже в 1822 г. было решено принять еще 32 мальчика, открыть третий высший класс и ввести преподавание новых предметов, необходимых для подготовки способных детей к поступлению в Санкт-Петербургскую губернскую гимназию. К прежним предметам добавили чтение славянское, пение и рисование, математику, историю и географию, латинский, немецкий и французский языки, русскую и латинскую словесность. Предметы распределялись на шесть лет с разделением курса на три класса. На каждого воспитанника в Доме воспитания тратилось по 104 рубля 79 копеек ассигнациями в год. Принимать в Дом воспитания стали детей всех званий в возрасте от 8 до 12 лет, и только в особых случаях допускались исключения и разрешалось принимать детей старше этого возраста.

Императорское человеколюбивое общество осуществляло заботу и о бедных девочках. В 1817 г. два попечителя (Иванов и Каменский) организовали воспитание девочек у мастериц. В 1818 и 1819 гг. были основаны еще два учреждения для 12 и 15 девочек. Таким образом, независимо от поручения попечителями беднейших девочек мастерицам, было организовано четыре заведения для призрения малолетних сирот женского пола. В данных заведениях старались сочетать домашнее воспитание с некоторыми преимуществами общественного заведения без увеличения расходов на содержание. С целью не выводить девочек из положения, согласно которому они должны добывать себе пропитание, призреваемых поручали образованным женщинам с хорошей репутацией перед комитетом, известных своей честностью и благонравным поведением. Они обучали девочек правилам веры, русской грамоте, рукоделию и ведению домашнего хозяйства. Воспитательницы давали комитету расписку, в которой перечислялись их обязанности, всего 16 пунктов. Высочайше утвержденный 16 июля 1816 г. проект образования Императорского человеколюбивого общества предполагал работу Общества не только в Санкт-Петербурге, но и в других губерниях. В силу этого Советом человеколюбивого общества постепенно были образованы благотворительные учреждения в Казани, Москве, Воронеже, Уфе, Слуцке и других городах.

Первое место по обилию денежных средств и числу устроенных благотворительных заведений, а также числу призреваемых в ряду учреждений Императорского человеколюбивого общества занимал Московский попечительный о бедных комитет. В конце 1817 г. в Москву прибыл Александр I и главный попечитель Общества князь А. Н. Голицын, который обратился к дворянству, духовенству и купечеству с разосланными по всему городу печатными приглашениями к участию в делах комитета. Москва сочувственно откликнулась на призыв князя Голицына. Пример милосердия оказал сам император. Собранную купечеством сумму в 25000 рублей для проведения торжества в честь императора Александр I пожертвовал на учреждение комитета. Кроме того, особым рескриптом на имя министра финансов император назначил к ежегодному отпуску из государственного казначейства 5000 рублей. В начале 1818 г. сумма пожертвований москвичей составила 126032 рубля, это подвигло князя Голицына приступить к открытию комитета. 2 февраля 1818 г. Александр I утвердил существование Московского попечительного комитета, назначив его президентом князя А. Н. Голицына. Попечительный комитет должен был состоять из президента, вице-президента и 22 попечителей. Совет Человеколюбивого общества назначил Московскому комитету 21000 рублей в год. Дом, в котором размещалась канцелярия Попечительного комитета, находился в Большом Спасоглинищевском переулке (номер 4). Москва была поделена на несколько частей между членами комитета, которые должны были собирать следующую информацию: 1. В каком состоянии находится проситель; 2. Какие причины привели его в состояние, когда он не может самостоятельно доставлять себе пропитание; 3. Характеристика его поведения; 4. Есть ли у просителя обеспеченные родственники. И если они есть, то член комитета обязан ходатайствовать у них за просителя. Благосостоянию Московского попечительного комитета способствовало ежегодное отчисление его председателя князя С. М. Голицына в размере 6 000, а затем 6582 рублей ассигнациями. Благодаря активному участию князя Московский комитет всегда имел достаточно средств и постоянно открывал новые учреждения. Высочайшим указом императора Александра I от

1824 г. князь А. Н. Голицын был уволен с должности главного попечителя Человеколюбивого общества и председателя Совета. На место князя назначен пресвященнейший Серафим, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, который председательствовал с 1824 по 1843 гг. В связи с тем, что князь Голицын оставил должность, ближайшие его сотрудники покинули Санкт-Петербург. Вследствие этого новый председатель в первую очередь занялся комплектованием членов Общества и устройством коллегиального порядка в рассмотрении дел Общества. Важной задачей митрополита Серафима стало открытие постоянных и более богатых источников содержания и составление более точных и определенных уставов и правил благотворительных учреждений. На нужды благотворительности выделяются большие пожертвования. С 1830 по 1840 гг. вдовой генерал-лейтенанта Ступишиной Московскому попечительному комитету пожертвовано 262733 рубля и недвижимое населенное крестьянами имение в 37100 рублей. 17 января 1824 г. поручик Иванов представил в Совет духовное завещание, согласно которому он после своей смерти передает в распоряжение Совета недвижимое имущество ценностью в 395000 рублей ассигнациями при условии создания при Совете банка для увеличения этого капитала. Высочайшим изволением Совету было позволено принять это пожертвование. В 1831 г. в связи со смертью Иванова Совет принял завещанные им капитал и недвижимое имущество. Таким образом, получено деньгами 559844 рубля ассигнациями и недвижимое имение на сумму 395000 рублей. По Высочайшему повелению капитал Иванова был помещен для обращения в Санкт-Петербургский приказ общественного призрения и поступавшими по домовым документам платежами с 1833 по 1838 гг. был увеличен до 702638 рублей ассигнациями. В 1841 г. в ведение Совета было принято Калужское женское благотворительное общество. Сразу после учреждения Общество купило каменный двухэтажный дом, именуемый Домом трудолюбия, для помещения сирот и детей из бедных семей. Вначале в нем призревало 15 девочек-сирот. В 1855 г. Общество приобрело новый дом за 1570 рублей, и количество призреваемых достигло 53 человек. В течение пятидесяти лет приют призрел 2190 сирот и детей беднейших родителей всех сословий. При доме действовала школа, в которой обучали по программе начальных народных училищ, и церковь. Девочки занимались белошвейными работами и шитьем платьев. В прачечной они мыли, чистили и гладили белье и платье. Фактически Дом трудолюбия стал закрытым профессиональным учебным заведением-училищем для обучения мастерству детей-сирот и детей неимущих родителей. С целью материальной поддержки Дома трудолюбия проводились различные акции. В декабре 1865 и 1866 гг. были организованы благотворительные базары, в 1879 и 1884 гг. — любительские спектакли. За пятьдесят лет Калужское женское благотворительное об-

шество израсходовало на содержание Дома трудолюбия 157 000 рублей. В 1910 г. там было 50 девочек, на содержание которых расходовалось 10 486 рублей. Не менее полезные учреждения в области образования были открыты и в Москве. В 1832 г. был устроен Набилковский дом призрения сирот мужского пола на 52 человека. В том же году основано рукодельное заведение для девиц, в котором воспитывалось и призревало 50 девиц. В 1838 г. вновь составлен устав для Дома воспитания бедных детей, который из первоначально общеобразовательного заведения переделан в специальное училище для приготовления воспитанников к канцелярским и конторским занятиям. По кончине митрополита Серафима обязанность главного попечителя была Высочайше поручена митрополиту Антонию. Обновленный Совет под председательством митрополита Антония постановил образовать страховой капитал, проценты с которого стали поступать на страхование зданий Человеколюбивого общества, тем самым освобождая благотворительные учреждения их ведения от расходов на это. В 1846 г. было вновь составлено положение для девичьих школ, в котором определяется цель этих заведений как «призрение и воспитание бедных и беспомощных девиц». Рассматривается порядок принятия, содержания и обучения. По кончине митрополита Антония на должность главного попечителя был назначен Новгородский и Санкт-Петербургский митрополит Никанор, управляющий Советом до 1856 г. Количество членов Совета увеличилось до 16 человек. В 1851 г. при ДOME воспитания бедных детей учреждено звание почетных благодетелей. С расширением круга деятельности у Человеколюбивого общества росло количество канцелярской работы, в силу чего 23 декабря 1842 г. «Высочайше разрешено увеличить содержание служащим производством им столовых денег». При Александре II первым попечителем Общества был назначен митрополит Григорий. При нем здания Дома воспитания бедных детей были перестроены и увеличены различными пристройками, что позволило вдвое увеличить количество воспитанников. В связи с тем, что Совет не раз испытывал затруднения с содержанием заведений от случайных доходов, было решено увеличить основные фонды и создать вновь основные капиталы с расчетом на то, чтобы процентами с них можно было обеспечить благотворительные учреждения. 14 ноября 1858 г. лицам, участвующим в благотворительной деятельности Человеколюбивого общества, было высочайше даровано право государственной службы. Благодаря этим мерам приток пожертвований значительно увеличился. Деятельность Общества продолжала развиваться и далее. Дом воспитания бедных детей планировалось преобразовать в учительский институт, затем в реальную гимназию и наконец — в классическую. Проект утвержден в 1868 г. 21 октября 1861 г. надзор за учениками ремесленных мастерских был возложен на Императорское человеколюбивое общество, «чтобы лица сии о всяком

обнаруженном ими случае нарушений мастерами установленных законов, в отношении содержания учеников, правил, доводили сведения до главного начальника столицы, для принятия мер ко взысканию виновных». Реформа 19 февраля 1861 г. коснулась попечения Общества о бедных детях. Дабы лучше подготовить детей к взрослой жизни, Совет хотел дать им максимально больше умений и навыков. В 1861 г. при ДOME призрения малолетних бедных были открыты классы резьбы по дереву, также были открыты типография и литография. Московский попечительный комитет в этот период развивался благодаря активной деятельности митрополита Филарета (Дроздова). К концу царствования Александра II всего насчитывалось до 30 000 в год человек, пользовавшихся благотворительностью Императорского человеколюбивого общества. Придя к власти, «Царь-Миротворец» не остался безучастным к делу развития благотворительности. Многие было сделано для открытия приютов других ведомств. Относящийся к Человеколюбивому обществу Набилковский дом призрения сирот в Москве был преобразован. Согласно уставу цель Дома — давать сиротам и детям бедных родителей религиозно-нравственное и интеллектуальное образование, готовить к бухгалтерской работе. Училище состояло из 4 классов с курсом городского училища и из дополнительного курса. В дополнительном курсе изучали русский язык, коммерческие вычисления, бухгалтерию и немецкий язык. В 1885 г. Человеколюбивому обществу был передан приют Общества призрения детей, просящих милостыню в Москве. В период правления Николая II Человеколюбивое общество продолжило свою деятельность призрения в области образования. Указом императора от 17 мая 1897 г. установлено в ведомстве Императорского человеколюбивого общества «для деятелей и жертвователей оно, особого знака». Знак для мужчин представлял собой инициалы Человеколюбивого общества, помещенные под императорской короной, в овале из лавровых и дубовых листьев, перевитых лентой с надписью лиловой эмалью «Возлюби ближнего как самого себя». Правом ношения знака пользовались все лица, занимавшие в Обществе классные по Табели о рангах должности или принимавшие участие в деятельности Общества трудами и пожертвованиями. Для дам был установлен знак, представлявший собой белый металлический крест с изображением на одной стороне Пресвятой Богородицы и надписью «Всех скорбящих Радость», а на другой — с надписью «Человеколюбие». Знак носился на груди на банте из ленты фиолетового цвета с белыми каймами. Знак для мужчин был трех видов: золоченый — для лиц, состоявших в должностях и званиях не ниже V класса Табели о рангах; серебряный — для всех остальных, состоящих в Обществе, кроме членов-благотворителей и соревнователей, и бронзовый — для последних. С 23 декабря 1902 года лица, имевшие генеральские чины по военной службе и не ниже

действительного статского советника по гражданской, а также епископат, получили право на ношение золоченого знака независимо от должности или звания в обществе. Этот указ способствовал дальнейшему развитию Императорского человеколюбивого общества. Общество продолжало принимать в свое ведение новые образовательные учреждения. 19 ноября 1905 г. учреждено Общество попечения о бедных в г. Галиче Костромской губернии. Общество состояло из частных лиц, поставивших своей целью всесторонне заботиться о бедных детях г. Галича, снабжать их всем необходимым, «заботиться как о физическом, так и о нравственном их развитии, для чего устраивать полезные игры, путем чтений распространять в обществе сведения о разумном воспитании детей», по мере средств открывать школы. Галичское общество принято в ведение Человеколюбивого общества в 1908 г. В 1909 г. Советом разрешено Московскому попечительному комитету о бедных открытие «Народной школы генерал-майора Матвея Федоровича Чихачева» в деревне Никифорово Богородского уезда Московской губернии в память о благодетеле, пожертвовавшем комитету в 1841 г. значительное количество ценных земель. Школа рассчитывалась на 100 человек, на ее постройку израсходовано 7202 рубля 32 копейки, ее содержание оценивалось в 700 рублей в год. 19 ноября 1910 г. Совет утвердил устав Галичского общества попечения о бедных детях, имеющего цель «призывать малолетних сирот и детей бедных родителей, приучать их к труду и готовить из них полезных членов общества». Землю под здание приюта в размере 600 ква-

дратных саженьей выделила Галичская Городская Дума с условием возврата в случае закрытия приюта, за исключением построек. Пока здание не было построено, дети призывались на квартире. В 1910 г. обучалось четыре мальчика и одна девочка. Их обучали Закону Божию, грамоте, арифметике, а в свободное время дети занимались несложным ремеслом: изготовлением мочальных щеток, плетением из бумаги разных вещей и пр. 23 декабря 1910 г. в г. Угличе была открыта низшая ремесленная школа, учрежденная для воспитанников Угличского детского приюта Императорского человеколюбивого общества, с расчетом на детей Угличского и других уездов. Школа рассчитана на 60 воспитанников с интернатом на 10 человек. В 1914 г. в ведении Императорского человеколюбивого общества находилось 72 учебно-воспитательных заведения. В их числе 13 начальных училищ и школ для проживающих дома, 59 приютов и другие учебные ремесленные заведения. 12 мая 1917 г. Временное правительство включило Императорское человеколюбивое общество в состав Министерства общественного призрения. Позднее все средства и имущество Общества были национализированы большевиками. Таким образом, анализ деятельности Императорского человеколюбивого общества позволяет нам сегодня познакомиться с историческим опытом успешной организации общественной благотворительности и использовать этот опыт в современных условиях.

**Иерей Дионисий Лобанов,
Наталья Никитина**

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ ИЗ РОДА УНКОВСКИХ

К 200-летию со дня рождения Ивана Семеновича Унковского

Святая Русь всегда славилась прекрасными храмами и монастырями. Их красота и благолепие создавались народом с верой и любовью. В городах и селах, везде на просторах Отечества с давних времен возносились к небу кресты и купола Домов Божьих. Внешнее и внутреннее благолепие храма всегда заботило клир и прихожан каждой церкви. Из года в год, из века в век благоукрашались храмы на пожертвования, которые вносились каждым от души и по возможности – богатым и бедным. Так велось до тех пор, пока не наступили времена атеизма и богоборчества, гонений на Русскую Православную Церковь.

Сохранить все исторические ценности до сегодняшнего дня в достойном состоянии, к сожалению, не удалось. Виною тому войны, антирелигиозные движения и прочие факторы, которые не способствовали сохранению традиций прошлого, характерных для православного государства и его населения. Но связь времен на Русской земле не была прервана, восстановлены многие ее святыни. Возрожденные монастыри и храмы - зримые символы нашей веры. Не исключением является и земля Калужская, в восстановленных храмах которой снова раздался колокольный звон, возвещающий о победе веры. Об этих периодах храма с. Козлово Перемышльского уезда Калужской губернии (ныне Калужской области) одним из поэтов написаны такие строки:

**Был предками наш храм построен,
Другими он разрушен был...
С молитвой нами восстановлен,
Крест снова в небо воспарил.**

В истории каждого храма есть события и даты, которые духовенство и прихожане помнят как замечательное торжество. Известны такие памятные дни и в селе Козлово. Одним из таких торжеств был день освящения митрополитом Калужским и Боровским Климентом колоколов. И к радости прихода храма во имя Тихвинской иконы Божией Матери освящались сразу восемь колоколов. Произошло это 9 июля 2011 года. Минули годы. А помнится этот день всем присутствовавшим на освящении колоко-

Наша вера

лов так ясно, как будто это было только вчера, так прочно запечатлелось это в памяти всех, кому посчастливилось быть на этом празднике и видеть все собственными глазами.

Настоятель храма протоиерей Геннадий Перебейнос по этому поводу говорит, что 9 июля 2011 года – это особый день для духовенства и прихожан храма: «Вновь полный перезвон полился с колокольни на всю округу в престольный праздник – 9 июля 2011 г.». Среди многих других памятных событий (освящение источников, памятных досок, часовни-усыпальницы) освящение колоколов продолжает оставаться особым. Надпись на благовесте рассказывает об его истории появления на колокольне: «Сей святой колокол отлит в лето 2011 от Рождества Христова для храма Тихвинской иконы Божией Матери в с. Козлово /Богородицкое/, жертвователи православная семья Кондрашовых, при настоятельстве священника Геннадия Перебейнос». Но не только эта надпись размещена на колоколе, также вылиты почитаемые образы Божией Матери и небесных покровителей. Не были забыты жертвователи благого дела и настоятель. И льются звуки колоколов по округе, напоминая о славных событиях настоящего и прошлого, которые связаны традициями благотворительности, пожертвований на храм Божий.

Ведь благотворительная деятельность является древнейшей нравственной и гуманистической традицией на Руси. Благотворительность была направлена на помощь обездоленным, сиротам, погорельцам, калекам. Особое место всегда занимала частная благотворительность православным храмам – святыням, которые являются Домом Божиим на земле. Исстари считалось, что строительство храмов, - «благотворение есть, высшая христианская обязанность и добродетель».

Начиная с Киевской Руси, дальнейшего продвижения христианства на север, православные храмы возникали тщанием князей. Завершение возведения храма на Руси, его освящение было большим праздником. Известно, что Великий князь Владимир Святой, «празднуя освящение церкви Преображения... велел сварить «триста Варь меду», созвал бояр, посадников, старшин из разных городов и раздал бедным 300 гривен (одна гривна равнялась фунту серебра)».

Со временем количество храмов увеличивалось. Много небольших церквей появилось в сельской местности на пожертвования местных землевладельцев. Помещики имели не только благородное желание участвовать в возведении церквей, но имели полную возможность согласовать с епархиальным начальством и построить на свои средства церковь по численности прихода, где находились их земельные владения. Причины этого понятны, ведь малому приходу не требовались площади собора, а средства на строительство и убранство церкви предоставлялись в зависимости от степени состоятельности того или иного владельца земель в приходе церкви. В связи с указанными причинами основное

И. С. Унковский

количество сельских церквей до определенного периода были деревянными.

Возведение храмов на Калужской земле связано со многими именами благотворителей-жертвователей, как говорили тогда – добротных дателей. Благодаря их деятельности не только в Калуге, но и во многих селах строились и благоукрашались деревянные и каменные церкви. Далеко не все эти благотворители могут быть названы в настоящее время из-за отсутствия документов. Благое дело представителей рода дворян Унковских сохранилось в веках. Документы дают нам неопровержимые доказательства их трудов на ниве возведения церквей. Две церкви в с. Козлово были возведены именно Унковскими: более ранняя деревянная и каменная, сохранившаяся до наших дней и до сих пор служащая людям.

Каменная церковь в честь Тихвинской иконы Божией Матери (до революции в честь иконы Собора Пресвятой Богородицы) была построена на века. Иван Семенович Унковский, жертвователь на это строительство, по заслугам может быть назван одним из лучших продолжателей дворянских традиций благотворительности. Более того, он был продолжателем и тех благородных деяний, которые были на счету его семьи. Представители рода Унковских были связаны как с Калужским краем, так и непосредственно с приходом церкви с. Козлово.

В 1782 году с. Козлово, бывшее Богородицкое тоже, было в собственности «означенного Унковского Петра Ивановича и Авдотьи Михайловой, дочери Шепелевой». Значится в селе «церковь деревянная Собора Пресвятой Богородицы, дом господский деревянный, ...число дворов 25, мужского пола 132, женского пола 91». Сельцо Кольшево с господским деревянным домом и регулярным садом было во владении «Петра Иванова сына Унковского, Михаила Михайлова сына Тургенева, Авдотьи Михайловой

дочери Шепелевой, Анны Ивановой дочери Ртищевой». Колышево перешло во владение Унковских только в XVIII веке, но известна эта «усадьба дворян Колычевых с XV века».

Известно из опубликованных документов, что в единоличном владении П.И. Унковского были сельцо Городец, сельцо Губино, сельцо Харское и Доропоново, сельцо Фокино, Фомино (в дальнейшем Спаское), луг Нижней Иструги, луг с. Рождествено, луг сельца Савинское, деревни Поповка и Дорошкова. У этого же помещика в совместном владении с другими дворянами были села, в которых были церкви: село Ревякино, Богоявленское, село Рождествено, село Никольское, Железцево. Но прикипело сердце к церкви с. Козлово. Если обратиться к летописи этого храма, то она не даст нам сведений о первых жертвователях. Однако сохранены некоторые даты и события, связанные с самым ранним известным храмом. Были периоды активного возведения храмов, хотя имели место некоторые перерывы в возведении приходских церквей на Перемышльской земле. Василий Григорьевич Пуцко заметил по этому поводу следующее: «Через некоторое время строительство вновь возобновилось в 1784 году, когда сооружены и освящены деревянные церкви Космы и Дамиана в с. Корекозеве и Собора Пресвятой Богородицы в с. Козлово...» При этом исследователь отмечает сложность точного установления хронологических рамок строительства деревянных храмов этого периода.

Однако упомянутая летопись храма в честь Собора Пресвятой Богородицы выгодно отличается на фоне сведений о строительстве других деревянных церквей, которые были возведены в указанное время. Ранее известные документы, использованные в книге «Страницы истории храма с. Козлова Калужской епархии. Светлые дни прошлого и настоящего», отсылают нас к 1780 году, вполне определенной дате. Разные документы указывают нам один и тот же год – 1780-й: «Исповедные росписи с 1780 года», «Копии с метрических книг и исповедных росписей с 1780 года хранятся в ризнице». К этому следует добавить, что в списке храмов Перемышльского уезда строительство храма с. Козлово значится в 1780 году.

В настоящее время появились результаты продолжившихся исследований по истории храма с. Козлово в XVIII веке. В частности, отдельные дела из фонда Перемышльского Духовного Правления, находящиеся в ГАКО, датируются более ранним временем: «Указ Правительственного Синода о вызове в канцелярию Белевского Духовного Правления попа с. Козлова» - 1746 г., «Дело о высылке попа Тимофея с. Козлова» - 1756 г., «Указ из Крутицкой Духовной Консистории о назначении церковника с. Козлово Степанова на службу в Калужское Наместническое Правление» - 1779 г. и другие. Из этого следует, что деревянная церковь в с. Козлово существовала значительно раньше указанных в предыдущих публикациях дат. Более того, существует вероятность, что до освящения хра-

ма с. Козлово, о котором писал В. Г. Пуцко, существовало другое деревянное церковное здание.

В 1800 году, когда собирались сведения о тех церквях, которые перешли в только что созданную Калужскую епархию, о церкви с. Козлово значится в «Описи имущества церковей Перемышльского уезда»: «Церковь Собора Пресвятой Богородицы. Церковь деревянного здания, во имя вышеписанное, при ней колокольня деревянная, состоит в твердости, покрыты все тесом, на главе кресты железные. В этой церкви иконостас столярный, выкрашен краской зеленою и местами позлащен». Сразу представляется небольшая, но очень уютная деревянная церковь, к которой вели пути-дороги со всех сторон, из деревень прихода, принадлежащих разным владельцам.

Постепенно деревянная церковь ветшала, время и природа делали свое дело. Об этом периоде есть краткие сведения: «Церковь Собора Пресвятой Богородицы, что в с. Козлове, – деревянная, при коей по указу положено: священник – 1, диакон – 1, дьячок – 1, пономарь – 1». Деревянная церковь требовала замены, тем более что не только храмы г. Перемышля, но и многие сельские в Перемышльском уезде уже были каменными. Но когда народ в праздники, особенно престольные, в принаряженном виде собирался в церкви, службы своей благостностью заставляли забыть обо всем, даже о желании воздвигнуть новый храм.

Спасителем духовенства и прихожан выступил Семен Яковлевич Унковский. Именно он в 1860 г. озаботился тем, чтобы вместо старой деревянной церкви была построена новая. Построенная его тщанием церковь по-прежнему была деревянной, однопрестольной. Освящена она была во имя Собора Пресвятой Богородицы. Вместе с храмом была возведена и деревянная колокольня. Об этой церкви в клировой ведомости писали: «Построена в 1860 году тщанием Статского Советника Семена Яковлевича Унковского. Здание деревянное, с таковою же колокольнею. Опись имущества 1859 года». Деревянная церковь, построенная С. Я. Унковским, прослужила прихожанам достаточно долгий срок. Но не настолько длительный, чтобы огорчать местных жителей ветхостью. Храмовладельцем каменной церкви, которая была воздвигнута позже, выступил родной сын предыдущего благотворителя, С. Я. Унковского, Иван Семенович Унковский – продолжатель традиций рода.

Иван Семенович Унковский родился 30 марта 1822 года (по старому стилю). В метрической книге храма в честь Собора Пресвятой Богородицы с. Козлово запись о рождении и крещении новорожденного младенца в семье дворян Унковских значится за месяц март под общим № 10. Таким образом, в церковных документах было зарегистрировано, что у господина Семена Яковлевича Унковского родился сын Иоанн, который 31 марта был «молитствован приходским священником Андреем Ефимовым». Восприемниками были «помещик сельца Железцова Дмитрий Ва, восприемница девица Авдотья Петровна Унковская.

Наша вера

Крещен оный младенец приходским священником одним без диакона и причетников».

В приходе церкви с. Козлово в это время служили священник Андрей Ефимов, дьячек Иван Николаев, пономарь Иван Данилов. Сохранившиеся исповедные ведомости за 1822 год позволяют нам отметить тот факт, что дворяне сельца Кольшева были на исповеди. Запись в документе свидетельствует об этом, указывает о бывших на исповеди и принявших Святое Причастие членах семьи Унковских:

«Сельца Кольшева помещица Евдокия Петровна Унковская – 54 г.; Племянник ея Семен Яковлевич Унковской – 35 лет.; Жена его Варвара Михайловна – 25 лет.; Сын их Михаил – 4 года.; Дворовые их люди».

В такой семье родился будущий храмоздатель. С детства он видел перед собой пример родителей, это воспитывало его строго в семейных традициях благочестия. Есть сведения, что император Николай I не только похвалил С. Я. Унковского за службу в калужской гимназии, но и зачислил его сыновей кандидатами в различные учебные заведения. Иван Унковский был направлен в Морской кадетский корпус, который он окончил через четыре года в звании мичмана и определен в восьмой флотский экипаж, расквартированный в Петербурге. Лето проходило в учебных плаваниях по Балтийскому морю, зима — в караульной службе.

Весной 1841 года Ивана Семеновича по желанию отца перевели в списки Черноморского флота и направили в город Николаев. Черноморским флотом тогда командовал адмирал Михаил Петрович Лазарев. Как пишет в своих воспоминаниях В.К. Истомина, Иван Семенович поначалу принял новое назначение без энтузиазма — «главным образом потому, что черноморская служба издали казалась не особенно привлекательной. Сам же Лазарев представлялся сухим, безмерно строгим и не по силам требовательным». Однако адмирал принял сына своего старинного друга как родного: поселил в своем доме, назначил адъютантом, поручил заведовать шлюпками и гребными адмиральскими судами и лично взялся обучать искусству управления парусами. Об этом периоде службы И. С. Унковского много написано. Можно только отметить по поводу его побед на парусных судах и в гонках, которые были оценены императором Николаем I, что всегдашняя дисциплинированность, собранность и другие качества личности, воспитанные в семье, всегда были всем заметны.

Осенью 1851 года Ивана Семеновича назначили флигель-адъютантом Его Величества и перевели в списки Балтийского флота. В военно-морском словаре под редакцией адмирала флота В.Н. Чернавина сказано: «Унковский Иван Семенович (1822-1886) — русский мореплаватель, адмирал (1879), исследователь материкового берега Японского моря. Окончил Морской кадетский корпус (1839). В 1854 году под руководством И.С. Унковского проведены съемки и описание восточных берегов Кореи к северу от 35

Памятная доска у храма

параллели и прилегающего участка русского побережья, открыты острова Римского-Корсакова, Рикорда, Рейнеке, заливы Посьета и Ольги». К середине XIX века резко усилилась экспансия великих морских держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перед российским флотом встала задача укрепления дальневосточных границ.

В 1852 году в Японию с секретной дипломатической миссией направилась эскадра вице-адмирала В.Е. Путятина. Флагманским кораблем эскадры — фрегатом «Паллада» — командовал капитан-лейтенант Иван Унковский. Это плавание положило начало новому этапу в истории российского мореплавания в Тихом океане. Оно совпало с Крымской войной. Об этом периоде жизни нашего прославленного земляка написано очень много. И в том числе — произведение И. Гончарова. О следующих событиях службы своего предка рассказал его внук С. П. Раевский: «Через пять лет, собирая у этих берегов очередную, более мощную эскадру, генерал-адмирал Великий князь Константин Николаевич писал своему брату-императору: «Но это все суть мелкие суда, не прикажешь ли ты их усилить более сильным судном, а именно фрегатом «Аскольд», который новое сильное судно, находящееся в прекрасных руках у адъютанта Унковского, который те края прекрасно знает, и с Путятиным именно там плавал». Командуя «Аскольдом», Иван Семенович исполнял также обязанности начальника штаба эскадры... Весной 1860 года фрегат «Аскольд» благополучно прибыл в Кронштадт. Его командиру капитану первого ранга Ивану Унковскому был присвоен чин контр-адмирала...

И никак не мог себе представить Иван Семенович, что на этом завершится его морская карьера. Сам он менее всего желал расставания с флотом». Причиной такой перемены в жизни И. С. Унковского было желание императора Александра II укрепить власть на местах честными, преданными Отечеству людьми. Так Иван Семенович стал губернатором Ярославской губернии. Новый губернатор успешно провел множество реформ и, преследуя мздоимство, основательно «перетряхнул» ярославское высшее чиновничество; протянул железную дорогу до Рыбинска, учредил несколько пароходств по Волге и Шексне, построил ряд храмов, богаделен, приютов; при нем в Рыбинске появились гимназии для мальчиков и девочек и речное училище, крупнейшие банки

открыли свои филиалы, заработала почта, началось строительство театра. Неудивительно, что именно Унковский первым удостоился звания «Почетного гражданина Рыбинска»! А вместе с ним Мологи и Ярославля. Известен либеральными взглядами и честностью. В 1866 произведен в вице-адмиралы. С 1.01.1873 — сенатор, с оставлением должности губернатора. 17.03.1877 назначен почетным опекуном Опекунского Совета учреждений императрицы Марии в Москве, с оставлением в звании сенатора и во флоте. Затем — адмирал. За сведениями о достойном служении Ивана Семеновича Унковского перед нами возникает человек, который верой и правдой служил Отчизне, был примером для подчиненных.

Но очень важными являются для понимания личных качеств И. С. Унковского сведения, которые известны еще с его службы на «Палладе». Даже в морских походах, условиях службы, сложностей, связанных с многими обстоятельствами, Иван Семенович оставался верующим человеком, истинным христианином, живущим по евангельским заповедям. По воспоминаниям уже названного В. К. Истомина рисуется светлый и чистый образ верующего человека.

Эти воспоминания имели в прошлом и имеют в настоящем особую ценность для прихожан храма с. Козлово. Ведь храмоздатель их церкви не оставлял других своим замечательным примером. На протяжении всего плавания на корабле неукоснительно соблюдались установленные церковные правила. Конечно, это не всегда было легко в силу обстоятельств. На «Палладе» в течение дня многократно раздавалось молитвенное пение, то и дело в каюту адмирала требовали фрегатского иеромонаха <т. е. архимандрита Аввакума>, а в свободное от служебных и молитвенных занятий время адмирал любил слушать чтение «Жития святых» или других душевспасительных книг. Более того, именно «Паллада» стала первым кораблем на русском флоте, где появилась домовая церковь. Определенную роль сыграл в этом Великий князь Константин Николаевич. В первый раз Божественная литургия в новой корабельной церкви состоялась 28 мая 1851 года, в бытность фрегата на Ревельском рейде, по случаю Дня сошествия Святого Духа. Из дневника корабельного священника о. Аввакума можно было узнать об обеднях и панихидах. Воспоминания В. К. Истомина делают понятнее последующие поступки Ивана Семеновича Унковского. Если даже на корабле он оставался в привычной обстановке, то строительство храма на земле малой родины, в селе Кольцово, становится не просто закономерным поступком, а делом, которое он считал для себя необходимым как для христианина. При этом не будем забывать, что и его родитель был храмоздателем. Их деяния трудно переоценить. Забота о вере народа, о спасении души каждого прихожанина была для них очень важна. Как освящение деревянной церкви, построенной Семеном Яковлевичем Унковским, так и освящение каменной

церкви, построенной его сыном Иваном Семеновичем Унковским, были светлым и памятным днем для духовенства и прихожан.

Новая каменная церковь, как значилось в клировой ведомости, была «заложена 1885 года сентября 3 дня и окончена устройством в 1889 году тщанием адмирала Ивана Семеновича Унковского». В отчете о состоянии Калужской епархии за 1889 год, который был подан в Синод, указывается на то, что церковь в с. Козлово «устроена на капиталы местного названного землевладельца».

К этим страницам истории церкви в честь Собора Пресвятой Богородицы причастны епископ Владимир (Никольский), который находился на Калужской кафедре с 1881 по 1888 год, и епископ Анастасий (Добрадин), сменивший своего предшественника в том же 1888 году и пробывший в Калужской епархии до 1890 года. Епископ Владимир поддержал храмоздателя Унковского в желании заменить деревянный храм на каменный, и в период начала строительства нового храма епископ Анастасий произвел освящение храма.

Епископ Калужский и Боровский Анастасий (Добрадин) сообщал в столицу: «В прошедшем году освящено мною лично 3 храма: в с. Козлове Перемышльского уезда, другой в Мещовском Георгиевском монастыре и третий при Малютинской богадельне». Народ мог шутить по этому поводу: Бог любит Троицу. Отметим, что совсем не случайно на факт строительства новой каменной церкви обращено такое внимание с сообщением не куда-нибудь, а в Синод. В этот период истории Отечества представители дворянского сословия уже становились храмоздателями в порядке исключения. Если в конце XVIII века и на начало XIX века сельские храмы в основном возводились не на церковные суммы, а на деньги помещиков, то во второй половине XIX века все изменилось: оскудело богатство владельцев усадеб, а у многих дворянских семей стали меняться взгляды, ослабева- ла сила веры в Бога.

Не такими были представители рода Унковских. Они, без всякого преувеличения, являлись примером для своих современников. Но благотворительность дворянина Унковского оценивается не только деньгами, пожертвованными на возведение каменной церкви, строительство которой было начато за год до смерти Ивана Семеновича. Главное заключается в его благородном поступке – евангельской заботе о ближних: родственниках и совсем чужих людях. Все население этого благодатного края получило прекрасный Дом Божий от щедрого благотворителя, душевного жертвователя, истинного христианина, заботливого помещика, отзывчивого человека. Благодарные местные жители думали об одном: побольше бы рождала таких замечательных православных людей земля Святой Руси! К всеобщему сожалению, не дождался освящения храма его основной жертвователь и ходатай о строительстве. Храмоздатель Иван Семенович Унковский отошел ко Господу, оставив о себе добрую

Наша вера

память. Калужская печать отозвалась на похороны известного благотворителя статьей с простым названием «Иван Семенович Унковский. Некролог». Автор предполагал, что не нужно никаких добавлений, пояснений: дворянин, адмирал... Всем было понятно тогда и понятно сейчас, что чины и звания в данном случае не играли самой важной роли, ушел в мир иной благороднейший человек, добродетельный христианин, щедрый благотворитель, который всю жизнь думал не о личном, а о людях, нуждающихся в благодатной помощи Церкви. Новая каменная церковь, как значилось в клировой ведомости, была «заложена 1885 года сентября 3 дня и окончена устройством в 1889 году тщанием адмирала Ивана Семеновича Унковского». В отчете о состоянии Калужской епархии за 1889 год, который был подан в Синод, указывается на то, что церковь в с. Козлово «устроена на капиталы местного названного землевладельца».

В самый день торжества, как и намечалось, в понедельник, 26 июня, в деревянном храме была отслужена ранняя литургия, после чего начался благовест в новом храме к освящению воды. Точно в 9 часов утра снова раздался колокольный звон, которого все ждали. Начала освящения нового храма ждало множество людей, присутствовала благотворительница храма А.Н. Унковская вместе с гостями и множеством крестьян из всех соседних населенных пунктов, составлявших приход.

Епископ Анастасий прибыл в начале десятого, после чего начался чин освящения храма. В священном служении принимали участие вышеупомянутые лица. Из почетных светских людей здесь были губернатор А.Г. Булыгин и другие высокопоставленные лица. После этого в новоосвященном храме была совершена в первый раз Божественная литургия, по окончании которой владыка Анастасий сказал торжественное слово. За словом архипастыря последовало служение литии в усыпальнице по почившему храмоздателю И.С. Унковскому. Затем в самом храме был совершен благодарственный молебен. Торжество освящения храма закончилось традиционным возгласием многолетия императору и всему царственному дому, преосвященному Анастасию с богохранимой его паствою, храмоустроителям и всем православным христианам. Храм был переполнен молящимися. Об этом событии долгие годы старожилы делились воспоминаниями со своими внуками. В КГВ не было забыто и продолжение торжественного дня в барском доме Унковских в Кольшеве.

Всех присутствующих при освящении каменного храма поражал его запоминающийся внешний вид, коротко описанный в клировых ведомостях: «Здание каменное, 5-главое, с таковою же колокольнею. Престол в ней один во имя Собора Пресвятой Богородицы». Страховое дело дает возможность представить себе местную святыню во всей красе и неповторимости: «Соборно-Богородицкая церковь однопрестольная, каменная, внутри оштукатурена,

покрыта железом, окрашенным зеленой масляной краской. Длина церкви с колокольней 13 сажень 1 аршин, наибольшая ширина 4 сажени аршина. На церкви имеется 1 большая глава и 4 малых... Церковь отапливается духовой печью». В тот период ближайшие к церкви чужие постройки находились на расстоянии 28 аршин.

Супруга Ивана Семеновича, его сын продолжили дело Ивана Семеновича, была построена церковно-приходская школа. «Старания ее, стремление во что бы то ни стало выполнить наказ супруга были вознаграждены, что подтверждается архивными материалами: «Церковно-приходская школа есть, помещается в особо выстроенном церковном здании, учительницей состоит дочь священника Юлия Ненарокова, окончившая курс в Калужском Епархиальном женском училище; в ней учащих: мальчиков 54, девочек 8».

В 1903 году была построена новая школа. Это событие произошло, когда Семен Иванович Унковский сделал все возможное для улучшения условий обучения крестьянских детей не только в селе Козлово. Описание здания церковно-приходской школы дает нам полное представление о том, как она выглядела: «Ц-пр. школа одноэтажная, деревянная, на каменном фундаменте, высотой 4 аршина; покрыта железом; длина дома 15 аршин; ширина 15 аршин; всех окон 10, высотой 2 аршина 3 вершка; шириною с двойными рамами 1 аршин 2 вершка; дверей двустворчатых 2, одностворчатых 4; печей русских 1, голландских 1; есть досчатые сени высотой и шириною 2 аршина, длиною 15 аршин».

Сын адмирала Ивана Семеновича Унковского тоже запомнился благодарным местным жителям как жертвователь, который не забывал о нуждах храма и прихожан. «(1871–1921) – лейтенант флота... Гласный уездного земского собрания Перемышльского уезда, земский начальник 3-го участка Перемышльского уездного съезда». Семен Иванович Унковский достойно продолжил дело предков. Еще один представитель рода Унковских творил дела благотворительности во Славу Божью, помогая духовенству и своим землякам сохранять благолепие приходского храма, начатого старанием его родителя, а законченного и подготовленного к освящению его матерью. Он не мог поступить иначе, не тому учили его в семье с христианскими традициями...

Обращение к благотворительным делам семьи Унковских свидетельствует о том, как много могут сделать люди, которые любят Христа, идут евангельским путем.

Елена Метальникова

НЕСПЕШНОСТЬ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ВО ВСЕМ

В прошлом номере журнала мы писали о состоявшейся в конце декабря встрече учащихся Калужского духовного училища и Калужской духовной семинарии с иноком Киприаном (Бурковым). После этой встречи возрос интерес к жизни и труду этого легендарного человека. В беседе с молодежью он упомянул, что руководит научно-практическим и образовательным Центром душепопечения и реабилитации, психологического и психического здоровья личности в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Для кого этот Центр и как он функционирует, рассказал отец Киприан нашему корреспонденту.

С 2005 года существовал и существует до сих пор Фонд героя Советского Союза В.А. Буркова, который я учредил с целью организации социального служения, патриотического и гражданского воспитания. В рамках этого Фонда в 2009 году был создан Центр многопрофильной помощи лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Центр был создан в связи с тем, что ко мне стали обращаться за помощью разные люди: алкозависимые, наркозависимые и люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию. Все они были с разными ценностями и разных вероисповеданий: православные, католики, мусульмане, иудеи, атеисты. После прохождения реабилитации и проведения катехизации в Центре все они приняли православие. В данном статусе Центр просуществовал 7 лет. За это время я приобрел большой опыт практической деятельности. Ведь теоретические знания у меня уже были, я получил педагогическое образование, поступил на психологический факультет и теперь мог в полной мере освоить эти знания на практике.

В начале 2015 года отец Владимир Иванов, настоятель храма в пос. Кожнерусского района, обратился ко мне с просьбой сделать из его социального приюта реабилитационный Центр для алко- и наркозависимых людей. Социальный приют отличается от реабилитационного центра тем, что в социальном приюте специализированная помощь не оказывается, там люди просто живут в рамках общих правил. А ре-

билитационный центр — это конкретная программа реабилитации, это технологии, с участием определенных специалистов, то есть большой целенаправленный процесс. Так мы с отцом Владимиром и начали деятельность по подготовке создания такого Центра. В известность был поставлен Синодальный отдел и координационный комитет по утверждению трезвости. Вопрос был согласован в епархии. И вот, чтобы взять благословение на создание Центра, отец Владимир взял меня и еще одного нашего соратника к старцу Илию. Мы поехали и получили благословение. На этой встрече я получил сразу два благословения, второе - на постриг меня в монахи. «Но, - сказал старец Илий, - сначала «Добрый самарянин». Этот Центр и получил в последующем название «Добрый самарянин». К концу мая, когда должна была приехать епархиальная комиссия посмотреть на условия для существования Центра, отец Владимир в связи с состоянием здоровья и по благословению своего духовника принял решение не создавать реабилитационный центр. Мы оповестили все заинтересованные инстанции о том, что вопрос снимается с повестки. Нас с моим соратником Константином Доронкиным пригласили в Синодальный отдел и узнав, что на создание Центра нас благословил отец Илий, посоветовали нам еще раз съездить к нему на встречу. Что мы впоследствии и сделали. В то время отец Илий находился на подворье в Переделкино. Встретившись со старцем, я рассказал ему о том, как сложилась ситуация и попросил совета. Мы шли с ним в сторону храма, и по дороге он начал подробно рассказывать мне о Центре реабилитации, о том, каким он должен быть. Я сначала не понимал, для чего он мне все это рассказывает, какова моя роль в этом? И когда уже подошли к дверям храма и остановились, я задал ему вопрос: «Мне что, самостоятельно этот Центр делать?», на что он ответил: «Да, самостоятельно». Так я получил благословение создавать новый Центр самостоятельно.

Менее чем через год после этого благословения, в феврале 2016 года, из Бишкекской и Кыргызстанской епархии мне поступило предложение стать послушником Свято-Казанского Архиерейского подворья г. Кара-Балта и возглавить на территории России при моем Центре общину от подворья в целях оказания гражданам Кыргызстана социальной помощи и проведения с ними катехизации. С того времени Центр стал эволюционно развиваться в соответствии

со складывающимися обстоятельствами, в том числе в связи с принятием мной монашества. По ходу развития Центра формировалась его команда, уточнялось содержание работы Центра и его название.

После пострига ко мне стали обращаться люди с различными личностными проблемами: семейные проблемы, трудности в воспитании детей, развод, одиночество, душевные переживания, в том числе, люди с психиатрическими расстройствами: неврозы, фобии, депрессии, люди, пострадавшие от оккультизма, от магов, колдунов, от душевредных психологических практик, в общем, люди, душевно пораженные и находящиеся под сильным воздействием демонических сил. Кстати, после пострига, первый человек, который ко мне обратился, был молодой человек, который уверял, что на него навели порчу.

В 2017 году я обустроил свой загородный дом под стационар Центра и впервые взял на стационарное лечение и реабилитацию несколько человек. Первым человеком, получившим помощь в Центре, была одна кореянка из Кыргызстана, мама которой – эзотерик, и девушка полностью была одолена бесами. Потом пошли люди с тяжелыми психическими повреждениями, с такими диагнозами, как биполярное расстройство и шизофрения. Постепенно я набирался опыта. В 2018 году обращений в Центр было очень много. Если в начале деятельности у нас было до 10 человек, то потом их стало больше пятидесяти. А когда их стало больше 250 человек, которые одновременно нуждаются в помощи, я понял, что одному мне не справиться, и Центру нужен врач-психиатр. Но где его взять? По Божией воле, раздался телефонный звонок, и мой знакомый писатель Дмитрий Леханов сообщил мне, что едет в институт им. В.П. Сербского к своему знакомому врачу, и предложил поехать с ним. Встреча была интересной, и мой новый знакомый пообещал поискать православного врача-психиатра и нашел. Так в нашем Центре появилась Наталья Викторовна Лазько – врач-психиатр, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник института судебной психиатрии им. В.П. Сербского. С Натальей Викторовной мы стали тесно сотрудничать, и те люди, которые имели диагнозы или симптомы психиатрических заболеваний, сначала направлялись к ней на консультацию. Конечно, были и такие случаи, когда людей приходилось госпитализировать в психиатрическую клинику. Наталья Викторовна начала разрабатывать фармакотерапию в соответствии с нашими наблюдениями и своими заключениями. Объем работы стал расти с каждым днем, и мы уже с этим не справлялись. Я понял, что в команду нужен психолог. И как только я об этом задумался всерьез, по Божией воле я встретился с православным психологом Гладковой Анной Леонидовной. При первой же нашей встрече мы поняли, что будем очень тесно совместно работать в области помощи людям. Позже Анна Леонидовна стала моим заместителем по Фонду и руководителем психологической службы в Центре. Через некоторое время,

опыт показал, что Центру необходим специалист по воспитательной части, и к нам присоединился мой педагог Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета ПСТГУ, член редакционной коллегии периодического научного издания «Вестник ПСТГУ. Серия Педагогика. Психология», эксперт по проектам Министерства просвещения Российской Федерации, директор воскресной школы Сергей Иванович Абрамов. Так, постепенно и неспешно стала формироваться наша команда, команда единомышленников и уникальных специалистов. С 2019 года наш Центр был переименован и стал называться научно-практическим и образовательным Центром душепопечения и реабилитации, психологического и психического здоровья личности в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

С начала пандемии в нашем Центре не было покоя. Надо сказать, что из-за ограниченности койко-мест в нашем Центре на стационар мы берем только самых тяжелых. Остальных, нуждающихся в помощи, мы ведем дистанционно или в личных встречах, оказывая консультационную помощь по мере возможности.

Постепенно у нас появились благодетели, которые помогли благоустроить второй дом, и наш Центр расширился. Мы немного переоборудовали первый дом, сделали мужскую и женскую половины, отделили второй этаж только для обслуживающего персонала и врачей. К весне готовим второй дом, чтобы принять в стационар еще 12 человек. Так что теперь наш Центр состоит из двух частных домов.

В последние полтора года, начиная с апреля 2020 г. до начала сентября 2021 г., в Центре постоянно проживали обратившиеся за помощью люди, сначала женская группа, затем мужская, потом детская. С ними в Центре ведется комплексная, многопрофильная работа командой специалистов по индивидуальным и общим программам душепопечения и реабилитации, включающим просвещение по важным для них вопросам, помощь в нравственном исправлении, в борьбе со своими греховными наклонностями и привычками, а также в организации духовной жизни в целях лечения поврежденной души благодатью Божией. Страждущим оказывается также психологическая, психиатрическая, педагогическая и иная необходимая помощь. За истекший период в Центр обратились более 700 человек. На стационар с проживанием берутся только те страждущие, которые находятся в очень тяжелом состоянии.

К настоящему времени Центр получил богатый практический опыт работы с вышеуказанной категорией граждан, накопил много статистической информации и необходимые знания. Это позволяет нам поставить перед собой одну из первоочередных и важных задач - провести экспертизу духовной безопасности применяемых в светской психологии, психотерапии, педагогике и медицине методов, технологий, техник и приемов, отобрать из них безопас-

ные для души, составить соответствующий перечень и разработать методику психологического консультирования и психотерапии, в основе которой лежит наше православное святоотеческое учение, а не философия и мировоззрения авторов тех или иных теорий, на основе которых строится светское психологическое консультирование и психотерапия.

Учитывая также то, что во все большем числе духовных учебных заведений преподается светская психология и в этой связи все большее число священников и православных людей без соблюдения мер духовной безопасности увлекаются светской психологией, Центр видит перед собой задачу разработки программы просветительских курсов для священников, церковных служителей и православных людей

по различиям православной и светской психологии, с раскрытием опасных и вредных для души методов, техник и приемов, применяемых в светском психологическом консультировании, психотерапии и педагогике, а также разработку программы повышения квалификации для психологов, психотерапевтов и педагогов, исповедующих православную веру.

При занятии каким-либо делом нужны неспешность и последовательность во всем. Это наш главный принцип. Господь не дает свыше твоих сил. Господь помогает и дает ситуации и людей для решения всех насущных вопросов. Свою волю я не творю, все идет по воле Божией. Слава Богу за все!

Записала Юлия Рогова

ПЕРВАЯ ЕДИНОЛИЧНАЯ ЦАРИЦА ВСЕЯ РУСИ

Российская царица Ирина Федоровна, супруга царя Федора Иоанновича. После смерти царя Ирина отказалась от царствования в пользу брата и приняла монашеский постриг в Новодевичьем монастыре с именем Александра в 1598 году. Как и у всех цариц, жизнь ее во многом была сродни монашеской: стояние в церкви утром и вечером, посты, бдения, продолжительные поездки на богомолье и в монастыри, многочасовые занятия рукоделием. Царица Ирина возглавила кремлевскую мастерскую златошвейного и жемчужового шитья и сама славилась как непревзойденная мастерица. Монашество увенчало многотрудную и многозаботливую жизнь, отданную ею жертвенно и с любовью ради Отечества и во славу Божию. В памяти народной царица Ирина осталась как высокий идеал благородства, милосердия, верности Богу и своему ближнему.

Царица Ирина Фёдоровна была супругой царя Фёдора I Ивановича, сына Ивана Грозного, и сестрой Бориса Годунова. Будущая царица родилась предположительно в 1557 году в семье небогатого вяземского дворянина Фёдора Ивановича, потомка костромских бояр. Когда его жена Стефанида Ивановна после смерти мужа приняла постриг с именем Снандулия, то осиротевших Ирину и её брата Бориса взял к себе дядя, Дмитрий Иванович Годунов, служивший при дворе Ивана Грозного в высоком чине главы Постельного приказа. Дмитрий Иванович был человек образованный, страстный книголюб, имевший обширную библиотеку. Будучи бездетным, много внимания уделил образованию племянников. Благодаря дяде Ирина рано попала в среду государева двора.

В 1575 году по воле царя Ивана Грозного «прекрасная молодая девица» Ирина Годунова была публично объявлена невестой царевича Федора. Девушка славилась не только красотой, но и умом; любила читать, выказывала успехи в математике. Без традиционного царского смотра невест состоялся брак 17-летнего царевича Фёдора Ивановича с Ириной Годуновой. Брак оказался счастливым: супруги Федор и Ирина относились друг к другу с любовью и уважением.

Федор Иванович вступил на престол 18 марта 1584 года в возрасте 27 лет. Его 14-летнее правление считается одним из самых благополучных и спокойных периодов русской истории, в чём немалая заслуга брата и сестры Годуновых. Новый царь был полной

противоположностью своему грозному отцу: робкий от природы, простодушный, добрый и богобоязненный, Федор Иванович известен также как «Федор Блаженный». Он был, по словам дьяка Тимофеева, «естеством кроток и мног в милостех ко всем, и непорочен... паче же всего любя благочестие и благолепие церковное». Представление некоторых историков о «слабоумии» этого праведного государя – всего лишь миф. Он, действительно, не был подготовлен к государственному управлению и мало разбирался в земных делах, но Господь, видя его духовно-нравственный образ жизни, его постоянные усердные молитвы об отечестве, т.е. непрестанное духовное служение России, даровал стране период счастливой, сытой и мирной жизни. Царь Небесный помогал его сподвижникам успешно вести государственные дела, и среди них первое место занимал талантливый управленец Борис Годунов, его шурин. Многочисленный клан Годуновых, занявший после воцарения Федора видные государственные посты, помог царице Ирине стать значимой фигурой в общественно-политической жизни того времени.

В средневековой Руси супруги Великих князей и царей жили в теремах за высокими заборами, удаленные от людского глаза; их интересы ограничивались кругом семьи, выходами в церковь и поездками на богомолье. Ирина стала единственной царицей, получившей в свои руки власть на Руси. Специально для нее была изменена церемония венчания на царство: у открытого окна одной из палат дворца был установлен трон, на котором восседала новая государыня в богатом наряде и короне. При виде её народ кричал: «Боже, храни нашу благородную царицу Ирину!» Вслед за митрополитом Дионисием она обратилась к новому царю с поздравительной речью. Примечательно, что до неё никто из цариц публичных речей не произносил. В конце церемонии она вместе с супругом участвовала в обряде осыпания их золотыми монетами в Царицыных палатах.

Ирина Федоровна стала присутствовать на заседаниях боярской Думы, куда ранее царицам вход был закрыт. У неё был полк личных телохранителей. В своих покоях царица Ирина принимала духовенство, иностранных послов и боярских жен. Сохранился ряд документов, где рядом с подписью царя Фёдора стоит и подпись царицы Ирины. Она переписывалась с английской королевой Елизаветой I Тюдор, с Тина-тин, супругой кахетинского царя Александра II. Заботясь об утверждении авторитета Русской Церкви, царица переписывалась с Александрийским Патриархом, которому от её имени отправлялись грамоты и щедрые дары. В ответ в июле 1591 года Патриарх прислал ей часть мощей св. Марии Магдалины («от руки перст») и роскошный царский венец.

Царица Ирина и её державный супруг приложили немало усилий, добиваясь осуществления давней мечты Русской Церкви - учреждения на Руси патриаршей кафедры, которая сравняла бы Первосвященителя Русской Церкви с вселенскими восточными

патриархами. В январе 1589 года произошло это знаменательное событие. Прибывший в Москву Константинопольский Патриарх Иеремия утвердил в России патриаршую кафедру и поставил Патриархом митрополита Иова. После торжественной церемонии рукоположения Иова оба Патриарха, Иеремия и Иов, последовали в царицыну Золотую палату. Епископ Арсений Елассонский, сопровождавший церковного иерарха в Россию, писал об этом событии: «Тихо поднялась царица с своего престола при виде патриархов и встретила их посреди палаты, смиренно прося благословения. Вселенский святитель, осенив её молитвенно большим крестом, воззвал: «Радуйся благоверная и любезная в царицах Ирина, востока и запада и всея Руси, украшение северных стран и утверждение веры православной!» Ирина выступила с ответной речью - «прекрасной и складной», по отзыву епископа Арсения. Его поразил и великолепный наряд русской царицы: «Малейшей части этого великолепия хватило бы для украшения десятка царей».

Благоверная царица регулярно посещала службы в храмах и практически каждую неделю вместе с венценосным супругом ездила на богомолье в один из близлежащих монастырей. Каждый год в сопровождении четырех тысяч телохранителей она шла пешком из Москвы в Троице-Сергиеву лавру поклониться преп. Сергию. Делала она щедрые пожертвования на храмовые нужды и в монастыри жертвовала немалые средства.

Царь самозабвенно любил и ценил свою супругу. Он много времени проводил в её обществе. Каждое утро посылал к царице спросить, хорошо ли она почивала, а через некоторое время сам шел здороваться с ней; затем они вместе шли в церковь к заутрене. До обеда Федор Иванович занимался государственными делами. Отдохнув после обеда, царь до ужина проводил время с женой, развлекаясь представлениями скоморохов и шутов. Супруги были неразлучны. Так, например, в царском походе на Нарву в ходе русско-шведской войны 1590-93гг. Ирина сопровождала мужа до Новгорода и там ждала его возвращения из «Немецкой земли». Царь прислушивался к её советам, а потому влияние Ирины на государственную жизнь было велико.

В русской исторической традиции укрепилось мнение, что государыня Ирина была мудрой, образованной и благочестивой. По словам историка Н.В. Татищева, Ирина «была человек острого ума и великих добродетелей». Современники именовали её «великой государыней», «всечестной и предоброй», «христоробивой» царицей. Единственное, что печалило молодых супругов, – отсутствие детей. Это была подлинная трагедия в жизни царской четы, ибо от чадородия царицы зависела не только судьба династии, но и само существование Московского царства. Еще при жизни Иван Грозный требовал, чтобы царевич Федор после трех лет бесплодного брака заключил Ирину в монастырь и взял себе

другую жену. Но кроткий Федор, рискуя навлечь на себя гнев деспотичного отца, твердо ответил царю: «Оставь ее со мною, а не то так лиши меня жизни, ибо я не желаю ее покинуть». «Слабовольный» Федор проявил мужество и защитил свой брак. И вот в 1585 году Ирине снова грозил развод: против нее возник заговор бояр. Заговорщики во главе с князьями Шуйскими просили царя, чтобы он разошелся с бездетной супругой, сослал её в монастырь и вступил в новый брак «царского ради чадородия». Но царь Федор развестись отказался. Он был так сильно привязан к своей «Аринушке», что даже отсутствие детей не могло заставить его разлучиться с ней. К тому же как христианин Федор Иванович считал расторжение брака недопустимым: «...Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19,6). В результате заговор провалился, заговорщики были высланы из Москвы.

Супруга монарха несколько раз беременела, но выносить смогла только единственную дочь – царевну Феодосию (1592 г). Летопись сообщает о ликованиях, охватившем тогда столицу: «Родися у государя благочестивая царевна Феодосия Федоровна, и бысть радость на Москве велия...» Как писал Н.М. Карамзин, на радостях по случаю рождения дочери царь Фёдор «простил всех ссыльных, самых важных преступников, осужденных на смерть; велел отворить темницы и выпустить узников; наделил монастыри богатою милостынею и послал множество серебра духовенству в Палестину». Однако радость была недолгой: малютка-царевна умерла 25 января 1594 года, не прожив и двух лет.

В декабре 1597 года сорокалетний Федор Иванович заболел и 7 (20) января 1598 года скончался. Убитая горем, Ирина шла за гробом, «скорбью великой охваченная, с кровавой пеной на губах от судорожных стонаний и всхлипываний». Согласно Карамзину, перед смертью «Федор вручал Державу Ирине, а душу свою приказывал великому Святителю Иову...» По другой версии, прощаясь наедине с Ириной, царь, опасаясь боярских козней, не велел ей царствовать, а велел уйти в монастырь. Царица решила исполнить завет мужа.

Между тем, опасаясь бедствий междуцарствия, Патриарх Иов вместе с боярами присягнул на верность новой государыне Ирине. Крест целовал вдовствующей царице и народ. 8 января 1598 года, в день похорон Федора Ивановича, царица одним из первых своих указов объявила амнистию по всему государству; из тюрем были выпущены «тюремные сидельцы». В этот день вдова «повеле патриарху и всему освященному собору давати милостыню доволну; также и нищих безчисленно множество собрав, насытив доволна...» Щедрые поминальные вклады Ирины в монастыри составили огромную по тем временам сумму в три тысячи рублей.

Ирина Фёдоровна на девятый день после смерти мужа объявила о своем решении уйти в монастырь. По просьбе Патриарха Иова она согласилась оставаться правительницей только до тех пор, пока не

будет избран новый царь. Народ же желал видеть на престоле вдовствующую царицу. В день её отречения собравшаяся в Кремле толпа слёзно просила вдову остаться на царстве. Ирина вышла на Красное крыльцо и прилюдно объявила о своем решении оставить трон. 15(25) января царица Ирина удалилась в Новодевичий монастырь и в тот же день приняла постриг, став инокиней Александрой. Однако правительственные грамоты продолжали издаваться от имени законной «государыни царицы и Великой княгини Александры Федоровны». Даже в начале марта на её имя писались челобитные. Вплоть до избрания царем Бориса более месяца - с 16 января по 21 февраля 1598 года - инокиня Александра была законной правительницей Московского царства. А 17 февраля 1598 года Земский собор избрал царем Бориса Годунова. Участники Собора трижды просили Бориса согласиться на принятие престола, для чего в Новодевичий монастырь, где в то время находились царица-инокиня и Борис Годунов, были устроены шествия с московскими святынями. В конце концов, 21 февраля Борис Годунов согласился взойти на трон, и тогда Ирина благословила брата на царство.

В Новодевичьем монастыре она в течение 5 лет вела постническую и затворническую жизнь. Благодаря заботам брата-царя имела особую келью с пристроенной к ней церковью. Но холодные каменные кельи и аскетизм монашеского бытия не способствовали укреплению слабого здоровья инокини. Скончалась первая единоличная государыня-царица 29 октября 1603 года на 46-ом году жизни. Была погребена в белокаменном саркофаге в Вознесенском монастыре Московского Кремля.

В 1929 году захоронение было перенесено в подземную палату Архангельского собора. Повторное вскрытие захоронения Годуновой, в котором участвовала большая группа ученых, было произведено в 2001 году. Исследование показало, что какое-то заболевание царицы, возможно наследственное, привело к патологии костных тканей, которая повлияла на способность вынашивать детей. Внешний облик Ирины Годуновой восстановлен экспертом-криминалистом С.А. Никитиным по её черепу. Имена царицы и её супруга увековечены в памятной надписи на Царь-пушке, отлитой в 1586 году.

Царь Федор Иванович канонизирован Православной Церковью как «святой благоверный Феодор I Иоаннович, царь Московский». В некоторых рукописных святцах в числе Московских святых указана и его супруга, царица «Ирина во иночестве Александра». Благодаря взаимной привязанности супругов - «святоцаря» Федора Ивановича и его «христолюбивой супружницы» Ирины, в литературе XVII века они уподоблялись святым Петру и Февронии Муромским.

Мария Тоболова

УЧЕНЫЙ АРХИЕРЕЙ

К 255-летию со дня рождения митрополита Евгения (Болховитинова)

Историю Калужской епархии можно условно разделить на периоды: до учреждения самостоятельности; учреждение самостоятельной Калужской епархии; Калужская епархия к 1917 г. и в годы гонений; современное состояние. Но как с момента образования, самостоятельности, так и сегодня невозможна нормальная жизнь епархии без руководителя, духовного наставника. Высшая власть в епархии в соответствии с экклезиологическим учением Православной Церкви, канонами и другими основополагающими церковно-правовыми актами принадлежит правящему архиерею. Об одном из таких калужских архипастырей пойдет речь в нашей статье.

Видный славянский археограф, собиратель и исследователь древностей митрополит Евгений (Болховитинов) вошел в историю как иерарх Русской Православной Церкви, который внес огромный, неповторимый вклад в становление отечественной исторической науки.

Родился будущий архипастырь 18 декабря 1767 года в семье приходского священника Воронежской епархии Алексея Андреевича Болховитинова, при крещении получил имя Евфимий. Его отец служил в Ильинском храме г. Воронежа. Предки его происходили из г. Болхова, во 2-й пол. XVII в. числились детьми боярскими Острогжского гарнизона, прадед Евфимия Стефан Федосеевич был уже священником, дед Андрей Стефанович служил в канцелярии Воронежского митр. Пахомия (Шпаковского).

15 октября 1777 года был зачислен во второй синтаксический класс Воронежской духовной семинарии, с августа 1782 года до июня 1784 года — в риторический класс семинарии, с сентября 1784 года он — певчий архиерейского хора Благовещенского собора и семинарист в философском классе в слободе Белогорье в Павловском уезде.

В 1785 году окончил Воронежскую духовную семинарию и как лучший ученик был отправлен для продолжения образования в Московскую Славяно-греко-латинскую академию. Одновременно с занятием в академии слушал лекции в Московском университете. 9 января 1789 года назначен преподавателем риторики и французского языка в Воронежскую духовную семинарию. В риторическом классе преподавал особым курсом греческие и римские древности. С 20 августа 1789 года был вице-префектом и библиотекарем. С июня 1790 года преподавал философию, а 5 сентября того года определен префектом семинарии и учителем богословия. Уже тогда определился его основной научный интерес, он начал работать над «Российской историей», но недостаток материалов заставил его отказаться от этой идеи и переключиться на местную историю. И в дальнейшем, где бы ему ни пришлось служить, никогда он не стоял в стороне от важнейших событий церковной, общественной и

политической жизни своего времени, продолжая постоянную исследовательскую деятельность.

4 ноября 1793 года вступил в брак с Анной Антоновой, дочерью липецкого купца Расторгуева.

В 1793 году был рукоположен во священника в Воронежской епархии епископом Воронежским и Черкасским Мефодием (Смирновым). 25 марта 1796 года возведен в сан протоиерея и определен настоятелем Преображенского собора г. Павловска Воронежской епархии с оставлением при семинарии в прежних должностях. При этом определен присутствующим Воронежской консистории, имея постоянное жительство в Воронеже. В 1797 - 1798 годах исполнял обязанности ректора семинарии. С 14 августа 1797 года обучал церковной истории, священной герменевтике, языкам, простому греческому и французскому, высшего класса. В 1798 году лишился троих детей, а 21 августа 1799 года овдовел. Был приглашен Санкт-Петербургским митрополитом Амвросием (Подобедовым) в столицу. 3 марта 1800 г. определен префектом, преподавателем философии и высшего красноречия в духовную академию. Потом был назначен префектом Александро-Невской академии, философии и красноречия учителем. А 9 марта 1800 года пострижен в монашество в Александро-Невской лавре с наречением имени Евгений. 11 марта 1800 года возведен в сан архимандрита Троицкого Зеленецкого монастыря Санкт-Петербургской епархии.

С августа 1800 и весь 1801 год он служил в Петербурге и был членом Санкт-Петербургского комитета благотворительного общества. 27 января 1802 года переведен в Сергиеву пустынь. 17 января 1804 года хиротонисан во епископа Старорусского. В 1805 году избран почетным членом Московского университета; в 1806 г. - действительным членом Российской академии. С 24 января 1808 года - епископ Вологодский. В этом же году избран членом Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. В 1810 году его избрали членом Санкт-Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств; в 1811 г. он стал почетным членом и соревнователем Санкт-Петербургской беседы русского языка.

Калужскую епархию, уже в сане епископа Калужского (с 19 июля 1813 до 7 февраля 1816 года), он застает разоренную наполеоновским нашествием. За короткое время своего пребывания на Калужской кафедре епископ Евгений восстановил все разоренные церкви и монастыри, в семинарию привлеч новых высокообразованных наставников и ввел в ней новый устав духовных семинарий. При его же помощи калужскими единоверцами был выстроен трехпрестольный храм.

Калужскому клиру Преосвященный запомнился как хороший проповедник и активный борец с расколом. Также с 1813 года — почётный член общества истории и древностей при Московском университете.

С 1814 года — член Санкт-Петербургской духовной академии. В 1815 году избран членом Московского общества врачебных и физических наук. С 1817 года - член Харьковского и Казанского университетов. 7 февраля 1816 года возведён в сан архиепископа и назначен в Псков архиепископом Пскова и всей Лифляндии и Курляндии. Результатом пребывания в Пскове стала «История княжества Псковского» (ч.1-4, 1831), «Летописи древнего славяно-русского княжеского города Изборска» (1825), «Описание шести псковских монастырей», краткое содержание Псковской летописи и др. Также в это время выходит полный вариант «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина», исправленная «Записка о камчатской миссии». Избран членом Казанского общества любителей отечественной словесности при университете. С 1817 года - член Харьковского и Казанского университетов; в 1818 г. - член комиссии составления законов. С 24 января 1822 года — архиепископ Киевский, а с 16 марта возведён в сан митрополита Киевского и Галицкого и назначен членом Святейшего Синода, в том же году был избран членом Виленского университета, с 1823 года — член Киевской духовной академии, с 1826 года — почётный член Императорской Академии наук. В Киеве митрополитом составлены «Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии» (1825), «Описание Киево-Печерской лавры» (1826), а также «Киевский месяцеслов, с присовокуплением разных статей к российской истории и киевской иерархии относящихся», написана статья «Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту» и труд «Историческое обозрение российского законоположения от древнейших времен до 1824 г.» и др. В Киеве митрополитом Евгением были организованы археологические раскопки, благодаря которым были обнаружены фундаменты Десятинной церкви, Золотых ворот и другие остатки домонгольской архитектуры.

В 1826 г. он был назначен в Верховный уголовный суд по делу декабристов. Был действительным и почётным членом ряда учёных обществ: университетов - Московского, Казанского, Виленского, Киевского и Харьковского, академий – Российской академии наук, Медико-хирургической академии, общества истории и древностей российских, Московского об-

щества любителей российской словесности, комиссии по составлению законов Российской империи и других. С 1827 г. - доктор философии Дерптского университета. С 1829 г. - член Санкт-Петербургского университета. В 1834 г. избран членом Королевского копенгагенского общества северных антиквариетов. С 1835 года - корреспондент статистического отделения совета Министерства внутренних дел.

Митрополит Евгений является одним из основателей сфрагистики (сигиллографии) – науки о печатях. Он был удостоен орденов: Св. Андрея Первозванного (22 августа 1826), Св. Александра Невского (21 апреля 1823), Св. Анны I ст. (5 марта 1805) и Св. Владимира II ст. Скончался 23 февраля 1837 года и был согласно завещанию погребён в Сретенском приделе Софийского собора в Киеве.

Прославился как ученый иерарх, оставивший после себя много научных трудов. Его научные исследования включали в себя области археологии, русской истории и церковно-исторических древностей. По поручению митрополита Новгородского Амвросия епископом Евгением было составлено «предначертание» устройства духовных училищ, легшее в основу реформы системы духовного образования в России. Отличался исключительным трудолюбием. Он дорожил каждой минутой и в письмах изливал свое неудовольствие о потерянном времени. Оставил потомкам большое литературное наследие. Его труды по русской церковной истории имели большое значение для своего времени.

Он много времени уделял научной деятельности, но это не мешало ему быть неутомимым проповедником слова Божия. Митрополит Евгений обличал суемудрие раскольников, строго относился к лицам, неблагоговеино стоящим в храме Божием. Его проповеди отличались живостью и глубиной мысли.

Митрополит Евгений Болховитинов является одним из первых русских историков, обращает внимание на комплексы источников, имеющиеся в краевых исторических центрах. Его можно смело назвать выдающимся археографом своего времени.

Список литературы:

1. Евгений (Болховитинов), митр. Биография Евгения, митрополита Киевского. Словарь исторический. О бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви, М: Троице-Сергиева лавра, 1995

2. Клочкова М. Ю., канд. ист. наук Духовная школа в просветительской деятельности митрополита Евгения (Болховитинова) // Вестник ПСТГУ, Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103.

3. Солнцев Н.И., Митрополит Евгений (Болховитинов) как историк // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Серия История. 2002. Вып. 1.

Протоиерей Георгий Витков

Православный христианин 2022–02

ПЬЕР ЖИЛЬЯР О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

«Я видел, как пала одна из величайших империй мира»

Пьер Жильяр

Пьер Жильяр пребывал при Дворе императора Николая II в течение 13 лет в качестве преподавателя французского языка Великих княжон Романовых и воспитателя наследника Алексея, находясь, таким образом, в непосредственной близости к царской семье. Он добровольно отправился с царской семьей в ссылку, где был одним из близких её друзей. Автор воспоминаний «Трагическая судьба Николая II и его Семьи», в которых личность царя, царицы и всей августейшей семьи предстают в необычайной красоте благородства, величия и смирения.

интересе, с каким императрица относилась к воспитанию и обучению своих детей, как мать, всецело преданная своему долгу. Вместо высокомерной, холодной Царицы, о которой мне столько говорили, я, к величайшему удивлению, нашел женщину, просто преданную своим материнским обязанностям».

Довольно быстро Жильяр подружился со старшей своей ученицей, Великой княжной Ольгой, которая стала его любимицей. По его мнению, Татьяна была красивее сестры, но она казалась учителю довольно рассеянной. Великие княжны Мария и Анастасия присоединились к занятиям позднее. Жильяр писал, что Мария отличалась скромностью, добротой и сердечностью. Младшая, Анастасия, была шаловлива, отличалась смешливостью. Несмотря на природную леность, она добилась значительных успехов в изучении французского языка, обладала идеальным произношением. Анастасия «разыгрывала маленькие театральные сцены с настоящим талантом».

Когда наследнику исполнилось 9 лет, император и императрица обратились к Жильяру с просьбой взять на себя его воспитание. Пьер согласился, и 2 октября 1912 года он официально был назначен воспитателем Великого князя и наследника цесаревича Алексея Николаевича. С Алексеем заниматься было трудно, так как мальчик совершенно не привык к дисциплине. Учитель прекрасно понимал, что цесаревич Алексей – особенный ребенок. Гемофилия наложила отпечаток на характер этого доброго, веселого и общительного по природе мальчика. Жильяр писал: «Вот такова была ужасная болезнь, которой страдал Алексей Николаевич; постоянная угроза жизни висела над его головой: падение, кровотечение из носа, простой порез, всё, что для обыкновенного ребенка было бы пустяком, могло быть для него смертельно». Страх родителей спровоцировать очередную травму и последующий за ней приступ имел под собой основание, однако учитель считал, что Алексей должен научиться контролировать свое поведение. Он

Петр Андреевич Жильяр, как называли его при Дворе, или ласково Жилик, родился 16 мая 1879 года в Швейцарии, в местечке Фье, недалеко от города Лозанны. Его отец, Эдмон Андре Давид Жильяр, был землевладельцем - виноделом. Мать, Мари Милерб, родом из Нормандии, но выросла в Швейцарии. У четы родились шестеро сыновей и две дочери. В 1904 году Пьер окончил Лозаннский университет и осенью того же года принял приглашение герцога Сергея Георгиевича Лейхтенбергского, приходившегося императору Николаю II дядей, обучать в России французскому языку его сына. Молодой учитель, строгий, скромный, терпеливый, хорошо зарекомендовал себя в качестве педагога и глубоко порядочного человека. Царская семья познакомилась с Пьером Жильяром в Петергофе: герцогиня Лейхтенбергская и императрица Александра Федоровна были в ту пору близкими подругами, и в какой-то момент воспитатель был представлен царской семье.

Примерно через год после поступления на должность к герцогу Лейхтенбергскому, в сентябре 1905 года, Жильяр получил предложение преподавать двум старшим дочерям государя, Великим княжнам Ольге и Татьяне, французский язык. Девочкам было тогда десять и восемь с половиной лет соответственно. На первых занятиях, желая убедиться в качестве преподавания, присутствовала императрица. После нескольких посещений уроков она убедилась, что новый учитель – прекрасный педагог. Жильяр в своих мемуарах пишет: «От первых месяцев я сохранил совершенно отчетливое воспоминание о крайнем

убедил родителей в том, что непрерывные страхи за здоровье наследника могут вредно отразиться на его характере и сделать его безвольным и даже морально калекою, а ведь он – будущий царь России. Жильяр считал, что Алексею Николаевичу надо предоставить больше свободы действий. Родители согласились с мнением педагога и поддержали его. Вскоре такое воспитание принесло свои плоды. Алексей освободился от прежней застенчивости, стал серьезнее относиться к учебе; да и физически окреп к великой радости родителей.

Пьер отмечал в своем ученике острый проницательный ум. «Иногда он удивлял меня вопросами не по возрасту, которые свидетельствовали о тонком, интуитивном уме... Он никогда не кичился тем, что является наследником императорской семьи... В маленьком капризном существе, каким он казался вначале, я открыл ребенка с сердцем от природы любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он уже много страдал... Я лучше отдавал себе отчет в богатстве его натуры...»

Пьер Жильяр жил бок о бок с царской семьей и в Царском Селе, и в Ливадии, и в Ставке; участвовал в ее поездках по России и фронту, неотлучно сопровождая царевича. Во время Февральской революции Пьер Жильяр находился в Царском Селе и всячески старался поддержать императрицу и заболевших корью детей. Он добровольно последовал за царской семьей в ссылку, где пробыл вместе с ней с 21 марта 1917 года по 23 мая 1918 года. Он морально поддерживал ее, претерпел с нею все невзгоды. Вместе с Сиднеем Гиббсом, учителем английского языка, он самоотверженно ухаживал за цесаревичем во время его болезни, проводя возле него бессонные ночи.

Когда царскую семью перевозили из Тобольска в Екатеринбург, императрица Александра Федоровна поехала с государем, поручив Жильяру заботу о

больном Алексее. По прибытии в Екатеринбург он был насильственно отстранен большевиками от царской семьи. Жильяр так описал момент, когда он в последний раз видел своего воспитанника: «Матрос Нагорный прошел мимо моего окна, неся маленького больного на руках; за ними шли Великие княжны, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон».

Пьер Жильяр тяжело переживал смерть царской семьи, ставшей ему его второй семьей. После убийства царской семьи он остался в Сибири, где помогал следователю Николаю Соколову, а также разоблачил самозванца, выдававшего себя за Алексея Николаевича.

В 1920 году он вернулся с Дальнего Востока в Швейцарию и стал преподавать французский язык в университете Лозанны. Был награжден Орденом Почетного Легиона. 3 октября 1922 года Пьер женился на Александре Александровне Теглевой, бывшей няне Великой княжны Анастасии Николаевны Романовой. В 1921 году опубликовал книгу «Тринадцать лет при русском Дворе. Трагическая судьба Николая II и его семьи». Умер в возрасте 84-х лет.

Пребывание Пьера Жильяра в непосредственной близости к царской семье давало ему возможность наблюдать жизнь этой святой семьи не только в официальной или в повседневной обстановке, но и в обстановке мрачного, полного издевательств и ужасов заключения. Будучи человеком образованным и наблюдательным, Пьер Жильяр досконально изучил характер как самого государя-мученика, так и каждого из членов его семьи. Этому особенно способствовали беседы с царственными мучениками, которые велись на самые разнообразные темы и в которых выявлялись сокровенные душевные мысли, взгляды на совершающиеся политические события.

Не связанный ни с какими политическими партиями, Жильяр был свободен от влияния этих партий, преследовавших свои эгоистические цели. Будучи человеком благородным, безупречно честным и мужественным, Пьер Жильяр в своих суждениях о людях и событиях руководствовался своей совестью и старался быть в них бесстрастным.

В своей книге «Трагическая судьба Николая II и его семьи», первое издание которой вышло в свет в июле 1921 года, Жильяр пишет, что в течение трехлетнего пребывания в Сибири он был совершенно изолирован от остального мира и не имел никакого представления о тех сочинениях об императоре Николае II, которые в течение этого времени были напечатаны в Европе. Вернувшись в Европу в сентябре 1920 года, Жильяр ознакомился с содержанием этих трудов, в одном из которых сообщалось даже о его собственной смерти. Он писал: «Коль скоро я ознакомился с содержанием некоторых из них, я был возмущен; я возмутился еще больше, убедившись, к моему удивлению, что они нашли одобрение широкой публики. Возникла насущная необходимость реабилитации нравственного облика русской царской четы; ис-

История

полнение этого требовало чувство справедливости и порядочности». Жильяр справедливо считал, что большинство сочинений об императоре Николае II и его семье - «сборник нелепостей и лжи, самая низкопробная литература, опирающаяся на недостойную клевету». Воспоминания Пьера Жильяра – надежный исторический источник.

«Государь был одарен замечательными личными качествами. Он был воплощением самых благородных и лучших чувств русской души. Он подчинился своей судьбе и покорно принял сверхчеловеческий труд, порученный ему Богом. Всеми силами своей души он любил свой народ и свое отечество. Особенно горячо любил государь простонародье и русского крестьянина, к улучшению жизни которого Государь стремился всей душой. История отдаст ему должное».

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну России. Жильяр заметил, как тяжело переживает государь это трагическое время. Он наблюдал за ним во время церковной службы: «Встретив Государя... я был поражен выражением его необычайной усталости: черты лица его были натянуты, цвет лица землистый, и мешочки, которые образовывались у него под глазами, когда он был утомлен, казались необычайно увеличившимися. И теперь он всей душой молился, чтобы Бог устранил от его народа эту войну, которую он сознавал уже столь близкой и неизбежной... Около него Императрица, скорбное лицо которой носило выражение глубокого страдания...»

В 1914 году цесаревич вместе с наставниками посетил фронтовые лазареты и госпитали. Мальчик был потрясен при виде страданий и стонов раненых солдат. Вместе с отцом Алексей обходил раненых. Пьер Жильяр пишет: «Государь подходил ко всем раненым и с большой добротой с ними беседовал. Его внезапное посещение в столь поздний час и так близко от линии фронта вызвало изумление. Один из солдат... приподнял единственную свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его (Государя) одежды и убедиться, что перед ним действительно царь, а не видение».

В самый трудный период войны, когда на фронте русских преследовали неудачи, государь принимает на себя роль Верховного главнокомандующего. За два месяца перед этим состоялся разговор императора с Жильяром. «Вы не можете себе представить, насколько пребывание в тылу меня тяготит, - сказал царь... - Здесь только занимаются интригами и заговорами... там дерутся и умирают за Родину. На фронте одно чувство доминирует над всеми солдатами: воля победить...» Государь взял на себя всю ответственность за дальнейший ход войны. Свой приказ о вступлении в Главное командование он дополнил: «С непоколебимой верой в милосердие Господне и неизменным убеждением в конечной победе мы исполним наш священный долг, защищая до конца нашу Родину, и мы не позволим осквернить Русскую землю».

После отречения от престола царь был арестован Временным правительством и находился в Царском Селе, где солдаты охраны причиняли ему оскорбительные неприятности. «Однако, - пишет Жильяр, - Государь принимал эти стеснения со спокойствием и величием души замечательными. Ни разу слова упрека не сорвалось с его уст, и это потому, что одно чувство доминировало над всем его существом, даже более сильное, чем привязанность к своей семье: любовь к родине. Чувствовалось, что он готов был простить тем, кто причинял ему эти унижения, лишь бы они оказались способными спасти Россию». Государь не только прощал своим врагам обиды, но и молился за них. Вот запись Пьера Жильяра о праздновании Пасхи во время заточения в Царском Селе: «Вечером, в 11 часов с половиной, все собираются в церкви к заутрене... Служба длится до 2-х часов, все направляются в библиотеку для обмена пасхальными поздравлениями. Император, по русскому обычаю, целует всех присутствующих, в том числе коменданта дворца и офицера охраны караула, который при нем остался... Я замечаю, что Государь усердно крестится в то время, когда священник читает молитву с поминовением Временного правительства».

Жильяр отмечал благородство чувств и моральное величие царственных мучеников, которые они проявляли в постигших их страданиях. Он пишет и о проявлении любви жителей Тобольска к царственным мученикам: «Мне часто приходилось видеть людей, встречавшихся на пути нашего шествия в церковь или обратно, которые при виде царской семьи крестились и становились на колени. В подавляющем своем большинстве жители города Тобольска были глубоко преданы царской семье, и наши охранники должны были принимать решительные меры против людей, останавливавшихся под окнами нашего дома, снимавших шапки и крестившихся, проходя мимо него».

Книга Жильяра заканчивается словами: «И смерть пришла. Но ей претило разлучать тех, кого жизнь так тесно сплотила, и она взяла их всех семерых, соединенных одной верой и одной любовью... Государь и государыня верили, что умирают мучениками за свою страну – они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие не проистекало от их царственного сана, а от удивительной нравственной чистоты, до которой они постепенно поднялись. И в самом своем уничтожении они проявили поразительное явление той чудесной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти».

Мария Маслова

КАЗАНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В 1922 ГОДУ

Изъятие церковных ценностей в 1922 году продолжило разорение храмов Калужской епархии, начатое в 1918 году. Не исключением стал и бывший храм Калужского Казанского девичьего монастыря, т. к. с названного периода он стал приходским в связи с закрытием монастыря. События развивались следующим образом.

Изъятие церковных ценностей в 1922 году продолжило разорение храмов Калужской епархии, начатое в 1918 году. Не исключением стал и бывший храм Калужского Казанского девичьего монастыря, т. к. с названного периода он стал приходским в связи с закрытием монастыря. События развивались следующим образом. В 1918 году Земельным Комитетом была отобрана земля монастыря, находившаяся в Калужском уезде. А потом был закрыт и сам монастырь. Создание артели в 1919 году на территории закрытого монастыря не спасло сестер, не сохранило прежний монастырский состав. Ко времени создания артели в списке значилось только 140 сестер, 30 из которых дали согласие на вступление в трудовую артель. В материалах «Дела по рапорту Совета ККЖМ о желании 30 сестер обители вступить в профессиональный союз иглы» имеются такие строки: «Совет монастыря имеет честь при сем донести Вашему Преосвященству, что из 140 сестер, оставшихся в настоящее время в обители, 30 человек изъявили желание вступить в Профессиональный Союз иглы, на что со стороны монастырского Совета препятствий не встречается».

Утешением для оставшихся сестер было то, что в монастырском храме службы продолжались. Более того, несмотря на разного рода ограничения и изменения, предпринимались попытки сохранить некоторые особенности монастырской жизни. Но суровая действительность показывала, что приближаются еще более трагические события. В 1922 году началось изъятие церковных ценностей. Страдания голодающих вызывали сочувствие, желание помочь, но не ценой уничтожения святынь. Подобные действия властей многими монахинями были встречены враждебно, у них не укладывалось в голове, как можно разорять оклады икон, забирать то, что издавна принадлежало монастырю. Предпринимались попытки спасти хотя бы что-нибудь в храме, который в то время был уже не монастырским, а приходским. На бывших насельниц Калужского Казанского девичьего монастыря и их батюшек было заведено дело в связи с сокрытием церковных ценностей. Первые документы были подшиты в это дело Калужского ревтрибунала в марте 1922 года, сразу же после обнаружения сокрытия церковных ценностей. Дело было закрыто 9 декабря 1922 г. Первоначально следствие и рассмотрение дела велось в Калуге, но окончательное решение было принято в Москве 28 ноября 1922 года.

«Дело Женского Казанского монастыря по обвинению в скрывании церковного имущества во время изъятия церковных ценностей» показывает, насколько в 1922 году зачастую по-разному оценивались действия подсудимых со стороны разных

представителей следственных и судебных органов. Особо хочется подчеркнуть, что при этом местные сотрудники ГПУ были намного строже к проступкам обвиняемых монахинь, чем столичные представители Упрсуднадзора.

События развивались следующим образом: в марте 1922 года стало известно о предстоящем изъятии ценностей непосредственно в монастырском храме, ставшем приходским. Это известие не стало новостью, было воспринято сестрами как сигнал к действиям, позволяющим спасти хотя бы какие-то ценности. Поэтому многие предметы были спрятаны монахинями, которые никогда в своей жизни не занимались подобными делами, не имели опыта сокрытия каких-либо предметов, тем более ценностей. Трудно было неискушенным в таких делах сестрам противостоять действиям представителей ГПУ, напрактиковавшимся в проведении обысков. При первом же осмотре храма все, что не хотели отдавать властям монахини, было легко обнаружено опытными сотрудниками, которые не в первый раз производили поиск сокрытых ценностей. Наивно было предполагать, что нехватка церковного имущества по имеющейся описи не приведет к дополнительным обыскам и опросу духовенства и монахинь.

В следственном деле излагалась установленная в ходе допросов последовательность событий. Монахиня Новикова первая обратилась к игуменье Ангелине (Гуляевой) по поводу сокрытия монастырских ценностей. Для этой цели она испрашивала у нее разрешения сделать опись имущества, но получила отказ. После этого Новикова и Соколова спрятали на чердаке монастыря 5 икон с дорогими ризами, 5 подсвечников, 2 больших лампы, 1 серебряный крест и пр. Названные иконы другие монахини, которые не хотели оставаться в стороне от сохранения церковных ценностей, Елагова и Савельева, перенесли с чердака в церковь, спрятали под кафедрой, где иконы были обнаружены представителями ГПУ. Соколова Мария сняла 4 серебряные лампы и спрятала их около жертвенника в алтаре. Монахиня Гуляева привлекла Гученкову, Семенову, Скрыбину к выносу из ризницы и сокрытию 5 облачений, 4-5 завес, нескольких подрясников. Что-то спрятала Скрыбина, другие облачения были скрыты в артельском складе. Следствие велось дотошно, уточнялось нахождение каждой вещи. Было обнаружено, что одна из парчевых риз находилась дома у протоиерея Иоанна Протопопов, который не отказывался от этого, т. к. она была необходима для служения в квартире вновь прибывшего монастырского священника.

Последствиями этого было открытие следствия, проведение последующих арестов. В первую оче-

История

редь была предпринята попытка обвинить во всем духовенство. В начале следствия, 31 марта 1922 г., настоятель храма протоиерей Иоанн Протопопов дал подписку о невыезде, 1 апреля 1922 года протоиерей Иоанн Протопопов, который много лет был настоятелем монастырского храма, был арестован.

В документе значится: «По ордеру КО ГПУ 1 апреля сего года протоиерей Казанской церкви при бывшем женском монастыре И. А. Протопопов подвергнут аресту и в настоящее время находится в Калужском месте заключения. Второй священник – отец Николай Миклашевский умер от сыпного тифа 5 апреля сего 1922 года». Первой среди монахинь была заподозрена в участии при сокрытии церковных ценностей и арестована Новикова. Основные обвинения касались не только ее, но и Соколовой, Гученковой, Семеновой. Заинтересовались следователи и иг. Ангелиной (Гуляевой), казначеей Ксенией Гуляевой, благочинной Евангелой.

На некоторых разногласиях и отсутствии полного взаимопонимания пытались сыграть следователи, которые вели это дело. По-разному вели себя в этой ситуации те, кто еще недавно старался призывать всех любить ближнего. В Калужский отдел ГПУ направлялись письма с просьбой освободить одного и возложить вину на другого.

Арест настоятеля и кончина второго священника привели к тому, что службы в церкви были прекращены. Прихожане храма, которых насчитывалось в тот период более 300 человек, написали прошение в Калужский отдел ГПУ, сообщая о злоключениях верующих: «...Все верующие данной церковной общины лишены возможности выполнять религиозные требы в храме». Подчеркивалось, что в Калужской епархии нет запасного священника, община «не может пригласить к себе стороннего священника для совершения богослужений в течение страстной седмицы и праздник Св. Пасхи».

По этой причине прихожане за подписью председателя Совета В. Ильина просили о следующем: «В виду вышеизложенного Губернский Приходский Совет Приходских Общин просит Калужский Отдел ГПУ не найдет ли он возможным освободить протоиерея Протопопова на поруки Губернского Совета Приходских Общин, гарантируя, что протоиерей Протопопов не уклонится от дальнейшего следствия и суда». Но власти волновали другие вопросы, они хотели отрапортовать о том, что виновные выявлены и осуждены. Так, Новикова и Соколова Мария на основании 2 ч. 86 ст. УК были приговорены к лишению свободы сроком на 1, 6 месяцев каждая; Гуляева, Савельева, Елагова, Семенова, Скрябина на основании 2 ч. 86 ст. УК к лишению свободы сроком на 1 год каждая; Соколова Надежда, Кондратьева и Смирнова на основании 2 ч. 86 ст. УК к лишению свободы сроком на 6 месяцев. Протопопов по суду был признан оправданным.

Было проявлено снисхождение к монахиням, виновность которых была доказана: «Имея в виду преклонный возраст и неразвитость подсудимых, Трибу-

нал руководствуясь 24 ст. УК, сократить Новиковой наказание до 6 месяцев, а арестованных от наказания освободить. Помимо изложенного выше было признано следующее: «Незаконное восстановление, под видом трудовой артели, Казанского монастыря упразднено». Таким образом, власть жестко расправилась с обителем. Казанский храм стал первым закрытым в Калуге.

Было составлено «заключение прокурора Управления Судебного Надзора Верховного Трибунала ВЦИК, в порядке надзора по делу, рассмотренному 10-11 июля 1922 г. Калужским ГРТ, по обвинению: Соколовой Марии, Новиковой, Семеновой, Гученковой, монахинь Казанского монастыря в сокрытии от изъятия для помгола церковных ценностей». Далее в документе отмечалось, что «настоящее дело изъято представителем Генревчасти и направлено в Верховный Трибунал – для обозрения».

В Москве после ознакомления с результатами рассмотрения указанного дела было признано следующее: «... Формулировка приговора основана на обстоятельствах дела, но обвинение в заключительном постановлении (77 ст.) и в приговоре (2 ч. 86 ст.) квалифицированы неправильно: 77 ст. предусматривает бандитское преступление, и 86 ст. – сопротивление представителям власти». Кроме этого отмечалось: «Приведенные в приговоре мотивы, понижающие наказание, следует признавать заслуживающими внимания, что Новикова на основе ст. 2 Декрета об Амнистии, объявленной к 5-й годовщине Октябрьской революции, подлежит освобождению от наказания. Прокурор Упрсуднадзора Уманский. Следователь Северин. 23 ноября 1922 г. Г. Москва». Однако Определением № 2182 Кассационная Коллегия Верховного Трибунала ВЦИК от 28 ноября 1922 г. остановила наказание Новиковой и Соколовой Марии – лишение свободы сроком на 1 год 6 месяцев.

В протоколе трибунала от 28 ноября 1922 года было указано: ввиду преклонного возраста и неразвитости подсудимых трибунал сократил Новиковой наказание до 6 месяцев, а арестованных освободил. Изменение наказания по решению власти не привело к продолжению страданий монахинь. Но в 1930-е годы многим из них напомнили их «ошибки» 1922 года, причислив это к серьезным нарушениям закона и преступлениям против власти советов. Так было забыто прощение и достаточно гуманное отношение к арестованным, которое проявили по отношению к ним судьи в 1922 г. Прошли годы, усилились гонения на Церковь.

Перед закрытием Калужского Казанского женского монастыря в рамках кампании по изъятию церковных ценностей было вывезено 8 пудов, 18 фунтов, 24 золотника серебра. Известно, что в список предметов, переданных в Исторический музей из Казанского монастыря, вошли: крест 1705 г., крест XVIII в. В дальнейшем в здании монастыря был открыт областной архив.

Елена Грекова

ДОКТРИНА ФИЛИОКВЕ В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В НАШЕ ВРЕМЯ

«И в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца и Сына исходящего...» - такое исповедание об исхождении Святого Духа мы находим в Римско-католической Церкви. Полатыни добавка «и от Сына» звучит как филиокве. Седьмым правилом III Вселенского Собора было определено о недопустимости изменения Никео-Цареградского Символа

веры. Решением Софийского Собора 879-880г. также было осуждено любое добавление к Символу веры. В связи с этим любое добавление является каноническим преступлением. Несмотря на все постановления Соборов, католическая Церковь отнеслась к ним формально и при папе Бенедикте VIII всё же внесла в 1014 году добавление в Символ веры. Уже позже, в 1274 году, на II Лионском Соборе *Filioque* было провозглашено догматом Римско-католической Церкви. «Мы исповедуем с верностью и благочестием, что Святой Дух вечно исходит от Отца и Сына не как от двух начал, но как от одного начала (*tamquam ex uno principio*), не как от двух дуновений, но как от одного-единственного дуновения. Именно это святая Римская Церковь, мать и наставница всех верных, всегда исповедовала, проповедовала и учила; это содержится в истинном и непреложном учении правоверных отцов и Учителей, и греческих, и латинских».

Данное добавление послужило одной из причин разрыва между Западной и Восточной Церковью и по настоящее время служит одним из препятствий в вопросе воссоединения Церквей. Возможно ли устранение этого препятствия или нет? Для того чтобы сделать какие-то предположения по этому вопросу, необходимо посмотреть историю развития филиокве и богословское понимание в контекстах западного и восточного богословия за все время развития данного учения, включая современную доктрину.

Впервые данная вставка в Символе веры встречается на III Толедском Соборе в 589 году в Испании, когда вестготы были обращены из арианства в православие. Король Рикаред в своем исповедании веры провозгласил, что «Дух происходит от Отца и Сына, и что Он единосущен Отцу и Сыну». Данное исповедание было обусловлено трудами Блаженного Августина, в которых он выразил новую систему

триадологии. «Дух Святой есть общение Божественных Лиц между Собой, Он же и есть общение людей с Богом и между собой». Говоря об общении Божественных лиц, Блаженный Августин подразумевал энергию Любви, которая существует между Отцом и Сыном, причем взаимно. Августин впервые дает Духу Святому это именование Любви, которого, он сам это признает, нет в Писании, но которое подсказано ему первым Посланием Иоанна Богослова: «Бог-Любовь есть Дух Святой... Именно на Духа указывает этот текст: Бог есть любовь (1Ин.4:8)». Целью «обогащения» Символа веры явилась защита от арианства, которое еще волновало христианский мир. Стоит отметить, что восточная часть Церкви до VII столетия молчала об этом добавлении. Возможно, как отмечают некоторые исследователи этого вопроса, западное учение о филиокве просто не было известно за пределами латинского мира, оно даже не всей западной Церковью употреблялось, но также вероятно и то, что византийцы не предавали какого-либо серьезного значения западному богословию, не ожидая там встретить что-либо заслуживающее особого внимания.

Первое непонимание между западной и восточной частями Церкви произошло при папе Феодоре I (642-649 гг.), когда тот направил послание в Константинополь по случаю своего избрания на кафедру. В своем послании папа по обычаю изложил свое исповедание веры и включил в него филиокве. В Константинополе это послание вызвало настороженность, но пояснения преподобного Максима Исповедника, изложенные им в письме к западному богослову и другу папы Мартина, пресвитеру Марину, успокоили Восток. В пояснениях преподобный Максим Исповедник попытался защитить православность взглядов западного богословия на вопрос об исхождении Духа Святого. В письме к пресвитеру Марину он пишет, что можно употреблять филиокве, если не вкладывать в него причинный смысл: «Многочисленными свидетельствами они (западные христиане) доказали, что они не делают из Сына причину Духа Святого, ибо они знают, что единое начало и Сына, и Духа есть Отец - Одного через рождение, Другого через исхождение. Но их формулировка имеет целью показать, что Дух исходит через Сына, и таким образом установить единство и тождество сущности». Также в своем письме к пресвитеру Марину преподобный Максим Исповедник просил сделать более тщательный перевод послания папы на греческий язык, «а то, что они подверглись обвинению, - будет им назидание в неточности их». В своей просьбе преподобный Максим указал на причину, по которой возникла настороженность Востока к Западу. Благодаря трудам преподобного Максима отношения между Востоком и Западом на время обрели миротворческий характер.

История

Следующую вспышку филиокве мы находим в эпоху Карла Великого. Желая утвердить себя наследником римских императоров, Карл Великий пытался использовать вопрос о филиокве для дискредитации православия Византийской империи. Стремление возвысить свою власть и личные убеждения в богословской правильности филиокве побудили Карла Великого выдвинуть обвинения против Константинопольского Патриарха Тарасия в том, что он говорит не по учению Никейского Собора. Хотя сам Карл Великий, как отмечают исследователи вопроса о филиокве, не был хорошо знаком ни с Никеей, ни со святоотеческим пониманием формулы «через Сына». Но любое обвинение, как известно, должно иметь под собой какое-то основание. Для этого Карлу Великому пришлось прибегнуть к помощи своих богословов, в частности, Алкуина, чтобы подтвердить правильность учения филиокве. Он говорил, что утверждать, согласно византийскому учению, что Дух исходит от Отца через Сына, неправильно, ибо это предполагает тварную природу Духа, согласно сказанному в Писании: «Все чрез Него (Слово) начало быть» (Иоан. 1:3).

В 809 году в Аахене состоялся Собор, на котором филиокве получило статус учения одной из поместных Церквей Запада. Учение о двойном исхождении Святого Духа сильно утвердилось во Франкской империи, но зато оно отсутствовало в Римском Символе веры. Такое положение не устраивало Карла Великого, и это понятно, так как, полагаю, Карл хотел видеть широкое распространение филиокве как еще один аргумент в пользу правильности данного учения. В связи с этим Карлом Великим были направлены послы к папе Льву III с требованием внести добавление в Символ веры. Лев III, с одной стороны, заверил послов в своем полном признании учения о филиокве, но, с другой стороны, решительно отказался признать включение вставки в Символ веры. Свой отказ папа обосновал тем, что незаконно писать или петь ее там, где она была запрещена Вселенскими Соборами. Он даже велел написать Символ веры без филиокве на греческом и латинском языках, на серебряных досках, и поставить их по правую и левую стороны у входа в крипту базилики Святого Петра. В 812 году Карл помирился с Византией, и вопрос о филиокве потерял актуальность.

Этот вопрос вновь возник во второй половине IX века, в результате конфликта между папой Николаем I и святителем Фотием. Суть конфликта была в так называемом «болгарском вопросе». Папа направил в Болгарию франкских миссионеров, которые навязывали употребление Символа с филиокве. В действиях папы Патриарх Фотий рассмотрел не только угрозу искажения веры, но и антивизантийскую пропаганду. Обеспокоенный данным положением Патриарх Фотий в 867 году обратился с «Окружным Посланием к Восточным архиерейским Престолам». В этом послании Патриарх Фотий впервые открыто назвал филиокве ересью, а также более тщательно

рассмотрел это учение на богословском уровне. В связи с этим оно заслуживает особого внимания среди исследователей данного вопроса.

Аргументацию Патриарха Фотия против филиокве можно разделить на четыре основных группы.

Первая основывается на единоначалии Святой Троицы. С этого аргумента Патриарх Фотий и начинает свою критику в адрес филиокве, говоря о том, что латиняне «на деле вводят две причины в Святой Троице: с одной стороны, Отца - для Сына и Духа, с другой, опять же для Духа, - Сына, и разрушают единоначалие в двоебожие, и растерзывают христианское богословие в нечто, ничуть не лучшее эллинской мифологии». И в другом месте: «если Сын рожден от Отца, а Дух исходит от Отца и Сына, что это за нововведение Духа? Уж не исходит ли нечто отличное от Него? Так что вышло бы по их безбожному мнению не три, но четыре ипостаси, а точнее - бесконечное множество, ибо четвертая прибавит к ним другую, та - снова иную, пока не впадут они в эллинское многобожие». И действительно, если Отец вместе с Сыном изводят Духа, равного Им, то почему бы Им троим не извести еще кого-нибудь четвертого, а затем вчетвером - и пятого и т.д. Тем самым нарушается принцип монархии Отца.

А по отношению к Лицу Господа Бога Духа Святого получается, что «если Сын рожден от Отца, а Дух исходит от Отца и Сына, то, как восходящий к двум началам, Он неизбежно был бы составным», что противоречит простоте Ипостаси, и в Боге недопустимо, т.к. Его природа проста.

Вторая основывается на понимании Бога как Существа совершенного. Почему же Дух исходит и от Сына? Задает вопрос Фотий и далее рассуждает: «ведь если исхождение от Отца совершенно (а оно совершенно, ибо Бог совершенный), что это за «исхождение от Сына», и для чего? Ведь оно было бы излишним и бесполезным». И все же если исповедуют исхождение от Сына, то одинаково ли это исхождение с исхождением от Отца или противоположно ему?

В первом случае мы сталкиваемся с тем, что произошло бы обобщение личных свойств, благодаря которым Святая Троица и познается как Троица. В результате произошло бы смешение Лиц, и ипостась Отца потеряла бы смысл. Второй же случай приводит к ереси Мани и Маркиона, которые учили о двух началах, светлом и темном, лежащих в основе Божества.

Третья основывается на том, что филиокве нарушает количественную гармонию личных свойств Ипостасей Святой Троицы, чем ставит Божественные Лица в неодинаковую близость друг к другу. «Ведь если в тот момент, когда Дух исходит от Отца, возникает Его особенность, точно так же как в момент рождения Сына - особенность Сына, а Дух, согласно их (сторонников филиокве) болтовне, исходит и от Сына, то оказывается, что большими особенностями отличается от Отца Дух, чем Сын, ибо для Отца и Сына общим является исхождение от Них Духа, а у Духа - особое порождение от Отца и особое же - от

Сына. Если же Дух отличается большими особенностями, чем Сын, то Сын был бы ближе сущности Отца, чем Дух: и так вновь проглянет дерзновение Македония против Святого Духа, вкравшееся в их деяния и обиталище», - пишет о Западной Церкви в «Окружном Послании» свт. Фотий Константинопольский. Также далее говоря о их нововведении, он отмечает, что «если в чем-то новом ввели они общность Отца и Сына, то отделяют от этого Духа; Отец же связан с Сыном общностью по сущности, а не по какому-либо из свойств - следовательно, ограничивают они Дух от сродства по сущности», так как Отец и Сын имеют между собой общение именно по существу, а не по личным свойствам.

Четвертая основывается на сопоставлении общих и личных свойств Лиц Святой Троицы. «Если все общее для Отца и Сына и Духа является общим совершенно (как то: Бог, Царь, Господь, Творец, Вседержитель, Сверхсущее, Простое, Бесформенное, Бестелесное, Беспредельное, и вообще все прочее), а для Отца и Сына общее происхождение от Них Духа - значит, Дух исходит и от Самого Себя. и будет Он началом Самому Себе, равно и причиной, и следствием». Т.е., святитель Фотий говорит, что если изведение Святого Духа есть общее свойство для Лиц Святой Троицы, то оно должно принадлежать и Самому Духу, следовательно, Святой Дух должен исходить и из Самого Себя, быть одновременно и причиной, и произведением этой причины. Таким образом, получается, если Дух Святой не исходит из себя самого, то изведение Господа Бога Духа Святого общим свойством для Лиц Святой Троицы не является. Тогда, значит, это личное свойство. Если это свойство Отца, то это - учение Православной Церкви; если это свойство Сына, то Сын изымает его от Отца. А если это и не общее, и не личное свойство, то приходим к тому, что в Святой Троице вообще нет исхождения Святого Духа.

В 867 году в Константинополе состоялся Собор, в котором приняли участие 500 епископов. Этот Собор носил ответный характер на Собор, который прошел в Риме в 863 году, на котором было объявлено, что Патриарх Фотий отлучен от Церкви и что вновь принят в Церковь он может быть только после покаяния и то как мирянин. Константинопольский Собор проходил под председательством императора Михаила III. По решению Собора папа Николай I был низложен и отлучен от Церкви, филиокве было осуждено, а также вмешательство папы в дела Константинопольской Церкви было признано незаконным.

По прошествии нескольких недель с момента окончания Собора во дворце Константинопольского императора произошел переворот. На трон взошел Василий I, основатель Македонской династии. Он был очень заинтересован в сближении с Западом. По желанию папы, при поддержке Василия I в 869-870 гг. в Константинополе прошел новый Собор, считающийся у римо-католиков Восьмым Вселенским. На нем в присутствии папских легатов были подтверждены

анафемы против Фотия, объявленные ещё папой Николаем I. По решению Собора Патриарх Фотий был низложен, отношения с Римом были восстановлены.

В 872 году преемником папы Адриана II стал Иоанн VIII. В отличие от своих двух предшественников, он оказался способным увидеть ошибки, допущенные в отношении Патриарха Фотия, и предпринять необходимые меры по устранению всех последствий, нарушающих единство Церкви. В 877 году после смерти Патриарха Игнатия на престол вновь возвращается Фотий. Папа Иоанн VIII, узнав о том, что по воле Константинопольской Церкви Фотий вернулся на патриарший престол, объявил, что снимает с него анафему, правда, для этого были поставлены определенные условия, а именно, переход Болгарии в юрисдикцию Рима. Также папой были направлены послания ко всем тем, кто продолжал упорствовать в признании Фотия Патриархом. Окончательная ликвидация этого смутного времени произошла в 879-880гг. на Великом Софийском Соборе, когда легатами папы было провозглашено об исключении из числа святых Соборов Собора, проходившего при папе Адриане II, так называемого Малого Софийского, с признанием постановлений данного Собора действительными. Филиокве было осуждено, а также осуждено любое добавление к Символу веры. Тем самым было достигнуто единство между Востоком и Западом. Это единство могло бы сохраниться, если бы Рим всегда оставался верным постановлениям Соборов, в том числе и Великого Софийского, и если бы Рим не стал ареной борьбы между местной знатью во главе с Феофилактами и германской знатью во главе с родом Кресцентиев, которая завершилась победой последних.

В начале XI столетия, в 1014 году, папа Бенедикт VIII, по требованию германского императора Генриха II, совершил в Риме его коронацию по германскому обряду, в котором Символ веры пелся с добавлением филиокве. С этим событием связывают окончательное введение филиокве в Римскую Церковь. Филиокве Римской Церковью стало восприниматься как единственно верный богословский тезис, и непринятие его превратилось, с точки зрения Рима, в заблуждение. Данная позиция явилась основой дальнейших трагических событий в истории Церкви. Уже в 1054 году мы видим, что папские легаты упрекают греков в том, что они изъяли филиокве из первоначального Символа веры. Эти упреки послужили одной из причин, в дальнейшем повлекших за собой разделение Церкви. После этого попытки объединить две ветви христианства предпринимались с помощью унии.

Продолжение следует

Протоиерей Василий Ефремов

СВЯТОЙ ЛАВРЕНТИЙ – ЗАСТУПНИК НАШ

Святой праведный Лаврентий, живший в начале XVI века, является одним из святых покровителей города Калуги. О его жизни, о его подвиге юродства Христа ради известно мало подробностей. Точно мы можем сказать лишь то, что он имел крепкую веру в Бога и любовь к своему земному отечеству, к городу Калуге и калужанам.

Вера блаженного Лаврентия обнаруживается в его беззаботной жизни, добровольной нищете ради Бога и постоянной к Нему молитве. А заботу его о своем городе иллюстрирует известный случай чудесного заступничества за калужского князя Симеона, когда святой Лаврентий помог ему одолеть татар. Существуют письменные свидетельства о том, как блаженный Лаврентий после своей кончины неоднократно являл благодатные исцеления страждущим людям, с верою приходившим к его раке. На месте хижины Калужского чудотворца, на месте храма Рождества Христова, который находился рядом с этой хижинкой, вскоре после кончины святого был основан монастырь, названный его именем. За историю своего существования Лаврентьев монастырь подвергался разорению, восстанавливался, служил местом обучения семинаристов, сделался местом упокоения многих почетных горожан города Калуги.

Образ святого праведного Лаврентия... После 1917 года практически все монастырские постройки и многочисленные надгробия некрополя были уничтожены, а в настоящее время Лаврентьев монастырь находится в процессе восстановления. Однако и теперь прежний вид цветущего монастыря мы можем представить себе, просматривая его старинные фотографии и изучая его описания по свидетельствам

ранее живших людей. В данной статье предпринимается попытка осветить образ праведного Лаврентия Калужского и дореволюционный образ монастыря, носящего его имя, который был явлен в стихотворениях конца XIX столетия. Большинство этих стихотворений выходило в печать в журналах Калужских епархиальных ведомостей - одного из старейших епархиальных журналов Русской Православной Церкви. При рассмотрении стихотворений основное внимание обращается не только на художественные особенности, то есть на «специфику языковой личности автора», но, прежде всего, на то, каким предстает в поэтических текстах святой и его монастырь. И первое стихотворение, которое мы можем рассмотреть, было опубликовано в двенадцатом номере журнала Ведомостей за 1891 год. Написано оно неким протоиереем с. Всесвятское, и начинается это стихотворение такими словами:

*Прошло уж несколько столетий,
Когда жил праведный Лаврентий;
Топорик на плече носил,
И подаянья просил...*

На момент написания стихотворения действительно прошло уже более трехсот лет со дня кончины Калужского чудотворца. Мы видим, как автор упоминает о том, что святой Лаврентий носил на своем плече топор и просил подаяния. Этот образ соответствует житию праведного Лаврентия, соответствует его старинным изображениям на иконах, где он показан в виде босого нищего человека с топориком на длинном топорнице. Архимандрит Леонид (Кавелин), русский историк и богослов XIX века, в своем «описании Калужского Лаврентиева монастыря» говорит: «на древних иконах, хранящихся в церквях и домах Калужской области, Праведный Лаврентий благоговейно изображается босой, как ходил он зиму и лето, в рубахе, портах и овчине, с секирою, насаженной на длинное древко» далее, в этом стихотворении говорится о том, что Лаврентьев монастырь появился именно после кончины святого, а не раньше того, поскольку основан он был «на пустыре». еще говорится здесь, что в былое время 10 августа (по старому стилю), в день преставления блаженного, в этот монастырь ежегодно собиралось множество верующих калужан.

*Стоит Лаврентьев монастырь,
Где прежде был один пустырь.
Тут в день памяти святого
И в Вознесение Христово*

*Со всей губернии идет
Простой и набожный народ...*

Архимандрит Леонид также упоминает, что в день памяти Калужского чудотворца совершалось в Лаврентьевом монастыре особенное торжество. «В этот день, — пишет он в своей книге, — бывает сюда из кафедрального собора с иконами из всех городских церквей крестный ход при многочисленном стечении народа. другой подобный же ход бывает сюда в день Вознесения господня, который ныне почитается храмовым главным праздником обители». С художественной точки зрения здесь употребляются эпитеты (определения), которые характеризуют прихожан — «простой и набожный народ», тем самым подчеркивается, что монастырь привлекал к себе и простых людей, вера которых была также проста, но крепка. Другое стихотворение, изданное в восемнадцатом номере журнала Калужских епархиальных ведомостей от 1896 года, имеет следующее название: «Архиерейская беседка в саду Лаврентиева монастыря». В подписи автора мы видим только две буквы: «е. М.». Можно предположить, что этот стих написал епископ Макарий (Введенский), бывший епископом Калужским и Боровским с 1895 по 1901 год. Начало стихотворения звучит так:

*В саду беседку я устроил среди деревьев вековых;
И тел мой дух я успокоил от впечатлений мира злых.*

В целом это произведение говорит нам о том, как хорошо иногда проводить время в тихих и уединенных местах, вдали от городской суеты. Более того, в приведенных строках указывается, что герой в уединении успокаивается «от впечатлений мира злых», что напоминает нам стихи священного Писания, а именно — Послания Святого апостола Иоанна: «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19). Таким образом, видно, что автор стихотворения хорошо знаком со Священным Писанием, так как не раз использует такие скрытые цитаты. Автор говорит, что Господь таинственным образом призывает всякого человека к вечности, и этот призыв особенно отчетливо ощущается человеком, когда он находится далеко от житейского шума:

*Житейским шумом заглушаем
Мы часто этот чудный зов
И даже вовсе забываем
О нем среди греховных наших слов.
Но вот в местах уединенных
Такой призыв слышнее нам.
И в мыслях, чувствах умиленных
Бываем ближе к Богу там.*

В этих строках стихотворения снова содержится скрытая отсылка к библейскому тексту, теперь уже евангельскому. Строки «Житейским шумом заглушаем...» напоминают притчу Христа о сеятеле, а имен-

но, о тех семенах, которые были заглушены тернием, то есть заботами мира сего, «житейским шумом» (например, Мф. 13:3–23). То есть, здесь мы вновь видим неявные отсылки ко Священному Писанию, что подтверждает возможность создания стихотворения епископом Макарием, который, несомненно, очень хорошо знал священные тексты. Сам сад, в котором располагалась упоминаемая архиерейская беседка, получил основание из дикой рощи преосвященным Евлампием (Введенским), а при его преемниках, епископе Евгении и епископе Антонии, был окончательно благоустроен. Ещё одно стихотворение, под названием «Лаврентьев монастырь», было подписано тем же автором и издано в 24 номере журнала Ведомостей того же 1896 года. Вот его первые два четверостишия:

*Хранитель Калуги! Лаврентий блаженный!
Отраднa для сердца обитель твоя;
Доселе витает твой дух сокрушенный
Под сводами храма и в кельях ея.
Доселе пещера, где ты подвизался;
Превнятно всем верным пришельцам гласит,
Как, Богу предавшись, ты мира чуждался;
Она о трудах твоих всем говорит.*

Из жизнеописания святого Лаврентия мы знаем о том, что этот праведник сам прокопал подземный ход от своей хижины к храму, чтобы незаметно ходить к нему во время богослужений. Поэтому, говоря о пещере, в которой подвизался смиренный богомолец, автор стихотворения говорит:

*Из этой пещеры, для всех потаенной,
Твой слух проникал в час служенья во храм,
И в небо восходил ты душой умиленной
И часто ты с Богом беседовал там.*

Также в этом стихотворении упоминаются чудеса, происходившие у подспудных мощей блаженного Лаврентия. Известно, что у раки святого получали исцеления бесноватые, пораженные расслаблением и другими болезнями.

*Здесь мощи твои, почивая под спудом,
Чудес источают целебный бальзам,
Поток благодати чрез них неоскудный
Всецелый Господь проливает всем нам.
И всякий, кто с верою к ним припадает
И просит молитвы пред Богом твоей,
Все скорби и беды тотчас побеждает
И мирен становится в жизни своей...*

В таких выразительных словах отзывается автор произведения о благодатной помощи, которую являл Господь у раки праведного Лаврентия. Интересно, что в этом стихотворении активно используются слова «высокого стиля», церковнославянизмы, что связано с тематикой стихотворения: слова «отрадный»,

Литературные страницы

«доселе», «подвизаться», «чуждаться», «превнятно», «всходить», «неоскудный», «всещедрый», «мирен» указывают на то, что предмет изображения - святой, отрешившийся от этого мира. Более того, некоторые из приведенных слов используются и в богослужебных текстах, и это тоже связано с тем, что в стихотворении описывается святой и его подвиг. Иное стихотворение, которое начинается словами «среди леса, на холме, обитель...», было напечатано в 1899 году. Оно содержит в себе упоминания не столько о праведном Лаврентии, сколько о принадлежностях и окрестности его монастыря. Например, здесь упоминаются монастырские захоронения с мраморными памятниками:

*Вкруг храма Божьего гробницы
Могилы разные вершат;
Супруги, юноши, девицы,
Там смерти сном глубоким спят.
И холодный мрамор возвещает,
Кто жил на свете и когда,
Их воскресенье ожидает,
Проснутся все они тогда.*

Соборный храм Лаврентьева монастыря действительно со всех сторон окружен кладбищем. Монастырская земля стала местом упокоения Ермила - одного из подражателей образа жизни и подвигов святого Праведного Лаврентия, игуменьи Агнии - настоятельницы Калужского Казанского монастыря, монастырской братии, почетных Калужских граждан и других духовных и светских лиц. Далее, в следующих строках, автор, наблюдая с холма, описывает особенности здешней природы:

*Вот близ меня большой овраг,
На дне его журчит ручей,
Невольный он наводит страх,
Звучит, как будто голос чей.
Внизу роскошные долины,
Направо виден темный лес,
Левей - холмов крутых вершины,
Над всем лазурный свод небес.*

Для сравнения можно привести описание вида окрестностей обители святого Лаврентия, предложенное в книге архимандрита Леонида 1891 года. Он говорит, что монастырь, окруженный глубокими рвами и деревьями, замечателен «своим очаровательным, весьма красивым местоположением, по видам, открывающимся из сада». Если же наблюдать монастырь с западной стороны, со стороны городского бора, то, по словам архимандрита Леонида, взору представляется «полукруглая, довольно высокая гора, покрытая сплошь от подошвы до вершины развесистыми деревьями, из среды коих виднеются глава соборной церкви и верх величественной колокольни. У подошвы горы по зелени лугов извивается серебряной лентой речка Яченка, которая у монастырской мельницы расширяется в небольшой пруд, а

вверх по течению теряется в ущелье, образуемом монастырской горой и противоположным ей возвышением, где также тянется густой лес». Последнее стихотворение, о котором хотелось бы упомянуть, было сочинено архимандритом Арсением Зерчениновым и называется «Взгляд на Лаврентьевский монастырь». Оно довольно пространно по сравнению с предыдущими стихами. В нем также упоминаются красота монастырской местности, чудеса святого Лаврентия, описание монастырских построек. Особенно подробно описываются надгробные памятники и люди, которым они принадлежат. Здесь снова мы можем встретить имена Ермила и игуменьи Агнии, над могилами которых раньше были устроены небольшие каменные часовни. Мы можем видеть, с каким уважением простой народ относился к этим людям в прошлом, читая следующие строки данного стиха:

*Лет уж триста почивают
Мощи одного простца
По названию Ермила,
Вера в лик его вчинила
Удостоенных венца;
Город весь и вся округа
Посещают гроб его.
В каплице другой лежит
Агния агнецеподобна,
И смиренна, и беззловна,
Вера и ее блажит;
Ею стадо упасёно.*

Итак, прочитывая поэтические отрывки, связанные с праведным Лаврентием и его монастырем, мы можем составить себе яркое представление о жизни святого, можем представить вид и устройство монастыря до его разрушения. Сравняя содержимое строк стихов с историческими фактами, мы найдем полное соответствие. Мы найдем, что в приведенных стихах не содержатся какие-либо выдумки, но подлинны и достоверны свидетельства, под впечатлением которых и рождались вдохновенные поэтические строки. Хотя в годы революции совершались попытки осквернить и уничтожить память о святых местах нашей родины, но изучение истории, изучение свидетельств людей о том, что они видели и чувствовали, помогает нам живо представить себе картину прошлого.

Список литературы:

1. Казарин Ю. В. Поэзия и литература: Книга о поэзии. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
2. Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря, нынешнего Калужского архиерейского дома и принадлежащей к оному Крестовской церкви.

Александр Зуйков

ГЛАВНЫЙ НЕРВ ТВОРЧЕСТВА ЧЕХОВА

ПАСХАЛЬНАЯ ЗАУТРЕНЯ

Иван Алексеевич Бунин вспоминал, как Антон Павлович Чехов дивился автору «Тамани»: «Не могу понять, – говорил он, – как мог он, будучи почти мальчиком, сделать это!» Всякий раз, когда перечитываю чеховский рассказ «Святою ночью», приходят на ум эти слова: ведь Чехов, как и Лермонтов, тоже был почти мальчиком! К тому же, как известно, и здоровьем не блистал.

За неделю до Пасхи 1886 года он напишет Николаю Александровичу Лейкину: «Я болен. Кровохарканье и слаб... Не пишу... Если завтра не сяду писать, то простите: не пришлю рассказа к Пасхе...» (отточия в письме – Г.К.). А в приписке к письму проговорится: «Мечтал написать к 13-му апреля пасхальный рассказ в «Новое время». Тема стоящая, но едва ли напишу». И всё же он смог её поднять: рассказ «Святою ночью» был написан на одном дыхании, отправлен в газету и опубликован в её пасхальном выпуске.

Вечером этого Светлого Воскресения Чехов тому же Лейкину сообщит: «Ночью ходил в Кремль слушать звон, шлялся по церквам...» Совершенно в духе героя-рассказчика! Антон Павлович признавался, что «ни единой пасхальной ночи не провёл в постели», а всегда отправлялся «бродить по церквам». Так что «тема стоящая» была у него ещё и сердечно выношенной.

Как же рассказ был принят? Пресса откликнулась широко. «Чудная картинка, – писал Владимир Галактионович Короленко, – проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью». Рецензент «Петербургской газеты» отнёс рассказ к числу самых поэтичных в сборнике «В сумерках». Владимир Алексеевич Тихонов оставил о рассказе такой отзыв: «Я так и впился в него. И комната моя, как по волшебству, исчезла, а я, вместе с автором, стоял на берегу разлившейся Голтвы в ожидании паромы, чтобы плыть с ним на другой берег, в монастырь, к пасхальной заутрене. Вместе с ним слушал я полную задумчивой грусти и трепещущей поэзии речь инока Иеронима. Вместе с ним бродил я по монастырю (...) А воображение мое рисовало молодого, полного задумчивой грусти поэта, выпевающего из своего сердца этот чудный рассказ». Назвав его «шедевром», Иероним Иеронимович Ясинский добавил, что «самые сложные и занимательные истории редко производят более потрясающее и человеческое впечатление».

Ряд восторженных откликов можно бы и продолжить... Но все они из дореволюционных газет и журналов. Советской же критикой рассказ был просто-напросто замолчан. Говорю со знанием дела: учился в Литературном институте (начало 1980-х гг.) и что-то не припомню, чтобы кто-либо из преподавателей обратил моё внимание на этот шедевр.

С самого начала, со скупого, но мощного описания половодья, он взял меня в полон. Второй же абзац

(стихотворение в прозе!) напомнил картины звёздных ночей Винсента Ван Гога: «Мир освещался звёздами, которые сплошную усыпали всё небо. Не помню, когда в другое время я видел столько звёзд. Буквально некуда было пальцем ткнуть. Тут были крупные, как гусиное яйцо, и мелкие, с конопляное зерно... Ради праздничного парада вышли они на небо все до одной, от мала до велика, умытые, обновлённые, радостные, и все до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось в воде; звёзды купались в тёмной глубине и дрожали вместе с лёгкой зыбью».

Поэтические откровения, несомненно, важны, но всё же не более, чем лирические отступления, оттеняющие рассказ о душевной драме паромщика – послушника Иеронима. Сочувствие к нему не оставляет рассказчика и в монастыре: «Мне, слившемуся с толпой и заразившемуся всеобщим радостным возбуждением, было невыносимо больно за Иеронима». Не отпускает боль и читателя. «Отчего не сменяют Иеронима? – вопрошает рассказчик, слушая в церкви праздничное пение. «Я мог себе представить этого Иеронима, – размышляет он, – смиренно стоящего где-нибудь у стены, согнувшегося и жадно ловящего красоту святой фразы».

Об этой-то красоте Иероним как раз и говорил, перечисляя особенности (они же и достоинства!) акафиста (жанр православной церковной гимнографии – Г.К.). «Главное ведь не в житии, не в соответствии с прочим, – пояснял он, – а в красоте и сладости (...) Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил». Как здесь не вспомнить Пушкина:

**Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.**

Сочинял же молитвенно-сладкие акафисты умерший (накануне Пасхи – во время субботней обедни!) друг Иеронима иеродиакон Николай. Несомненный поэт! Потому что «тут, – как верно заметил послушник, – и мудростью и святостью ничего не поделаешь, ежели Бог дара не дал».

Чехов не писал специальных статей о поэзии, но здесь устами скорбящего Иеронима сказал о ней своё заветное. Пускай даже на примере поэзии церковной! Это не меняет дела. А знал он её прекрасно.

Со школы я вынес сочувствие к мальчику Антоше, которого отец – сущий деспот! – заставлял не только прислуживать в лавке, но ещё и петь (что казалось мне особенно мучительным!) в церкви. Надо сказать, Антон Павлович и сам (о чём я прочёл уже после школы), вспоминая о своих «церковных обязанностях», это сочувствие подогревал: «Знаете, – пишет он Ивану Леонтьевичу Леонтьеву (Щеглову), – когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим

родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками».

После такого признания приходишь невольно к мысли, что церковное пение, набив оскомину, опротивело Чехову на всю жизнь. Но думать так – глубоко ошибочно. Память об отцовском насилии, конечно, осталась, но сохранилась также и привитая в детстве любовь к церковному пению. «Он (Чехов – Г.К.) отлично знал церковную службу и любил составлять домашний импровизированный хор, – вспоминает Игнатий Николаевич Потапенко. – Пели тропари, кондаки, стихиры, пасхальные ирмосы. Присаживалась к нам и подпевала и Марья Павловна, сочувственно гудел Павел Егорыч, а Антон Павлович основательно держал басовую партию. И это, видимо, доставляло ему искреннее удовольствие».

Чехов, кстати сказать, имел свою (в отличие от библиотеки Павла Егоровича) подборку из богослужебных и духовных книг. Церковной тематикой он владел отменно, и там, где её вводил в рассказы и повести, был всегда безукоризненно точен.

Возвращаясь же к рассказу «Святою ночью», вспоминаю, как в юности ходил смотреть пасхальный крестный ход... Ходил не один, а в весёлой компании. Ризоположенская церковь в Леонове (Москва) была оцеплена дружинниками, и никого из нас, разумеется, в храм не пустили. Мы постояли у ограды, взирая бессмысленно (по-бараньи!) на старушечью процессию с зажжёнными свечами, а потом с песнями под гитару ушли восвояси.

Что мы, советские старшеклассники, знали о Пасхе? Кроме крашеных яиц и кулича, ничего! Праздное любопытство привело посмотреть крестный ход... Но и о нём, разумеется, тоже ничего не знали. Да и не хотели, признаюсь, о Церкви ничего знать: зачем вникать в «отмирающее»? Думается, рассказ «Святою ночью», будь он тогда прочитан, заметно не изменил бы моего отношения к Церкви. Но на то, чтобы пробудить в душе евангельское чувство любви и сострадания, шансы всё же были: ведь душа, как известно, по природе своей христианка.

ПРАВДА И КРАСОТА

«Из моих вещей, – признался Чехов Бунину, – самый любимый мой рассказ – «Студент». Всего три с половиной страницы... А какой завораживающий (в своей простоте!) первый абзац. И такое там сравнение: «Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку». Как тут было удержаться (думаю, не осудите меня, чудака!), чтобы не взять пустую бутылку и не подуть в неё. Жаль, что не оказалось под рукой старинной, конца XIX века. И вот под этот жалобный гуд студент духовной академии Иван Великопольский охотился на вальдшнепов... «Но когда стемнело в лесу, – читаем дальше, – некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо. Запахло зимой». Написано

кратко, но ёмко, образно, но и пронзительно-точно – несомненно, перо поэта!

«Придёт время, – писал о Чехове Бунин, – когда поймут, как следует и то, что это был не только «несравненный» художник, не только изумительный мастер слова, но и несравненный поэт... Только когда оно придёт? Ещё не скоро разгадают во всей полноте его тонкую и целомудренную поэзию...» В прошлом столетии, как мне кажется, читатели только удалялись от Чехова-поэта, видя в его творчестве (в основном!) лишь «обнажение социальных проблем». Может быть, в XXI веке сумеем по достоинству оценить его поэзию?

Рассказ впервые был опубликован аккуратно в Страстную пятницу. И события в нём происходят тоже в Страстную пятницу. Охотник, возвращаясь домой, встречает сидящих у костра двух женщин. Памятуя о вчерашнем чтении в церкви «Страстных Евангелий», он непроизвольно вспоминает об одном из них: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Пётр, – сказал студент, протягивая к огню руки. – Значит, и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!» Далее следует пересказ событий этой ночи, который оканчивается отречением апостола Петра.

Когда Чехов писал, он и представить не мог, что кто-то из читателей незнаком с Евангелием. Разумеется, и сам знал его хорошо. Передаёт всё верно. Хотя и упустил одну, для сюжета, в общем-то, незначительную деталь. Но в моём исследовании она важна. Цитирую: «И после этого раза (третьего отречения – Г.К.) тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые Он сказал ему на вечери...» В Евангелии несколько иначе: «И тотчас, когда ещё говорил он (т.е. отрекался – Г.К.), запел петух. Тогда Господь, обратившись, взглянул (курсив мой – Г.К.) на Петра; и Петр вспомнил слово Господа, как Он сказал ему: «прежде нежели пропоет петух, отречешься от меня трижды». Тут Учитель и ученик столкнулись взглядами. Что прочёл в глазах Учителя отречшийся от Него ученик? Сострадание? Жалость? Любовь? И как рассказывает студент, «вспомнил, очнулся, пошёл со двора и горько-горько заплакал. В Евангелии сказано: «И исшед вон, плакася горько».

«Воображаю, – говорит студент, – тихий-тихий, тёмный-тёмный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...» И далее уже Чехов: «Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлинула, слёзы, крупные, изобильные, потекли у неё по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слёз, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела и выражение у неё стало тяжёлым, напряжённым, как у человека, который сдерживает сильную боль». Закончу же рассуждением студента. Трижды он к нему приступает: 1) «...если она заплакала, то, значит...»; 2) «...если Василиса заплакала, а её дочь смутилась, то...»; 3) «Если старуха заплакала, то...» Как же разворачиваются эти «то»? Что же

вызвало плач Василисы? Предлагаю прочесть, сведя ответы вместе: «всё, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...» – «очевидно, то, о чём он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям» – заплакала «не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра».

Этот вывод так захватил студента (осенило!), что «радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

И вот, наконец, в финале рассказа: «А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле». О какой же правде и красоте думает студент? Они, по его разумению, «направляли человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника». «После вечери Иисус смертельно тосковал в саду и молился, – рассказывает Иван, – а бедный Пётр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. Потом, ты слышала (на вчерашней службе в церкви – Г. К.), Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям». И в этом правда и красота? А во дворе первосвященника? Там полным ходом шла подготовка к убийству. Христос претерпевал издевательства и унижения: «Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя?». Апостол Петр – один из ближайших учеников Христа! – отрёкся от Него троекратно! И в этом тоже правда и красота, которые (позволю себе перефразировать) продолжают непрерывно до сего дня и составляют главное в человеческой жизни и вообще на земле? Конечно же, нет! А вот – «исшед вон, плакася горько» – это уже первое приближение к правде и красоте раскаяния в содеянном зле. Отсюда начинается восстание павшего, а значит, и восстановление духовного здоровья. Логически обосновать это необходимое условие жизни человека не возьмусь. Да и не смогу! Остановлюсь и замру перед открывшимися (неизгладимыми!) глубинами бытия...

ЛУЧИК ИЗ ДЕТСТВА

В 1889 году Чехов издаст сборник рассказов о детях «Детвора». Но почему-то рассказа «На Страстной неде-

ле», написанного от лица 8-летнего мальчика, там нет. Он был напечатан в «Петербургской газете», которая вышла в Великий понедельник 1887 года. Рассказ, безусловно, автобиографический, но и сокровенный: ничто в нём, по замыслу автора, не должно было напоминать семью Чеховых, а в маленьком герое – ученика приготовительного класса гимназии Антона Чехова. Редактируя текст, писатель эту конкретику безжалостно изымал. Например, вычеркнул такой «узнаваемый факт»: «Мой отец, большой любитель церковного пения, в шведской куртке и в больших сапогах, говеющие приказчики из табачной фабрики, несколько мальчиков и я стоим на клиросе и поём».

«Павел Егорович, – вспоминает младший брат Михаил, – организовал из детей правильный хор и пел с ним в церкви местного дворца <...> Здесь служба совершалась только в Страстную неделю, в первый день Пасхи, на Вознесенье и на Троицу. Здесь-то и пришлось будущему писателю изучить всю церковную службу и петь вместе с братьями». Имеется в виду домовый храм Воздвижения Креста Господня в таганрогском дворце императора Александра I, но Чехов имени храма не называет и даже вводит придел Великомученицы Варвары, которого в церквях Таганрога не было.

Рассказ о посещении церкви мальчиком Федей на Страстной неделе. Придя на вечернюю службу Великой среды, он исповедуется, возвращается домой, ложится спать, а утром, в Чистый четверг, вновь приходит в церковь. Фабула рассказа, как видим, проста. Но сюжет его вовсе не прост! Он выстраивается из увиденного мальчиком и нашедшего в его душе живой отклик. Вникая в сюжет, отзывчивый читатель, так или иначе, но прикасается (начинает постигать!) к Таинству Исповеди. Это в общем. А в частности, приобщается к миру детской души, причём души (мы-то знаем!) восьмилетнего Антоши Чехова.

В храме взор мальчика гипнотически притягивает (на чём невольно задерживаешь внимание) распятие с предстоящими: оно встречается (в столь кратком рассказе!) пять раз. И первые три – в одном абзаце: «Церковная паперть суха и залита солнечным светом. На ней ни души. Нерешительно открываю дверь и вхожу в церковь. Тут в сумерках, которые кажутся мне густыми и мрачными, как никогда, мною овладевает сознание греховности и ничтожества. Прежде всего бросаются в глаза большое распятие и по сторонам его Божия Матерь и Иоанн Богослов. Паникадила и ставники одеты в чёрные, траурные чехлы, лампадки мерцают тускло и робко, а солнце как будто умышленно минует церковные окна. Богородица и любимый ученик Иисуса Христа, изображённые в профиль, молча глядят на невыносимые страдания и не замечают моего присутствия; я чувствую, что для них я чужой, лишний, незаметный, что не могу помочь им ни словом, ни делом, что я отвратительный, бесчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всех людей, каких только знаю, и все они представляются

мне мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я теперь вижу; церковные сумерки делаются гуще и мрачнее, и Божия Матерь с Иоанном Богословом кажутся мне одинокими».

Через некоторое время Федя подходит к иерею на исповедь: «Под ногами ничего не чувствую, – рассказывает он, – точно иду по воздуху... Подхожу к аналою, который выше меня. (...) Я чувствую близкое соседство священника, запах его рясы, слышу строгий голос, и моя щека, обращённая к нему, начинает гореть... Многого от волнения я не слышу, но на вопросы отвечаю искренне, не своим, каким-то странным голосом, вспоминаю одиноких Богородицу и Иоанна Богослова, распятие, свою мать, и мне хочется плакать, просить прощения.

– Как тебя зовут? – спрашивает священник, покрывая мою голову мягкой епитрахилью.

Как теперь легко, как радостно на душе».

И на следующий день этот настрой души сохраняется, всё уже видится по-другому: «лица Богородицы и Иоанна Богослова не так печальны, как вчера, лица причастников озарены надеждой, и, кажется, всё прошлое предано забвению, всё прощено».

Таковы сугубо личные переживания до и после исповеди. Но Федя зорко наблюдает и за другими, пришедшими на исповедь. Например, за «роскошно одетой красивой дамой в шляпке с белым пером», которая стоит впереди него: «Она заметно волнуется, напряжённо ждёт, и одна щека у неё от волнения лихорадочно зарумянилась». Наконец, она идёт за ширму, «подходит к аналою и делает земной поклон, затем поднимается и, не глядя на священника, в ожидании поникает головой. (...) Вздохнув и, не глядя на даму, он начинает говорить быстро, покачивая головой, то возвышая, то понижая свой шёпот. Дама слушает покорно, как виноватая, коротко отвечает и глядит в землю.

«Чем она грешна? – думаю я, благоговейно посятывая на её кроткое красивое лицо. – Боже, прости ей грехи! Пошли ей счастье».

Но вот священник покрывает её голову епитрахилью.

– И аз, недостойный иерей... – слышится его голос... – властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих...

Дама делает земной поклон, целует крест и идёт назад. Уже обе щеки её румяны, но лицо спокойно, ясно, весело.

«Она теперь счастлива, – думаю я...»

На другой день вчерашняя дама кажется Феде прекрасной. Он любит её и даже «думает, что когда вырастет большой, непременно женится на такой женщине, но, вспомнив, что жениться – стыдно, перестаёт об этом думать...»

Рассказывает он и о столкновении с Митькой, «оборванным, некрасиво остриженным мальчишке с оттопыренными ушами и маленькими, очень злыми глазами»: «Это сын вдовы подёнщицы Настасьи, забияка, разбойник, хватающий с лотков у торговки яблоки и не раз отнимавший у меня бабки. Он сер-

дито оглядывает меня и, мне кажется, злорадствует, что не я, а он первый пойдёт за ширму. Во мне закипает злоба... (...) Теперь очередь Митьки, но во мне вдруг вскипает чувство ненависти к этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первым... Заметив моё движение, он бьёт меня свечкой по голове, я отвечаю ему тем же, и полминуты слышится пыхтение и такие звуки, как будто кто-то ломает свечи... Нас разнимают». А утром Федя уже «весело глядит на его оттопыренные уши» и, припомнив свою вчерашнюю злобу, хочет ему «показать, что против него ничего не имеет», и даже зовёт его к себе на Пасху играть в бабки.

Федя – мальчик, в церковном смысле, просвещённый – отлично знает, что после исповеди ему нельзя ни есть, ни пить. И, возвратившись с вечерней службы домой, «чтобы не видеть, как ужинают, поскорее ложится в постель». Он страшный мечтатель! «Закрывши глаза, мечтает о том, «как хорошо было бы претерпеть мучения от какого-нибудь Ирода или Диоскора, жить в пустыне, и, подобно старцу Серафиму (20), кормить медведей, жить в келии и питаться одной просфорой, раздать имущество бедным, идти в Киев». Однако же, как ему хотелось есть. Он был «согласен терпеть всякие мучения... (...) ... но только сначала съесть бы хоть один пирожок с капустой!

– Боже, очисти меня грешного, – молится он, укрывшись с головой. – Ангел-хранитель, защити меня от нечистого духа».

«Весенний мотив» ярко звучит в рассказе: «На улице совсем весна. Мостовые покрыты бурым месивом, на котором уже начинают обозначаться будущие тропинки; крыши и тротуары сухи; под забором сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нежная, молодая зелень. В канавах, весело журча и пенясь, бежит грязная вода, в которой не брезгают купаться солнечные лучи». Утром Федя просыпается «с душой ясной и чистой, как хороший весенний день», и приходит в церковь, где «всё дышит радостью, счастьем и весной».

В начале рассказа читатель узнаёт, что завтра, в Чистый четверг, «к часам ударят в восьмом часу». «Часы» – это краткая служба, её начинают с удара в малый колокол. Рассказ и оканчивается ею: «иду на клирос (всё-таки упоминает о том, что обязан был в церкви петь! – Г.К), где дьячок уже читает часы». Возможно, как раз вот эти слова: «Услыши, Господи, правду мою, вонми моление моему...»

Преображена, очищена и радостна после исповеди душа маленького героя. Несомненно, его светлый образ Антон Павлович бережно нёс по жизни. Лучик из детства! «Свечкой чисточетверговой» (Есенин) он освещал его одинокую дорогу. Светит и нам в пути...

ПРАВИЛО СТАРЦА СЕРАФИМА

Читая в отрочестве «Нахлебников», потешался над нерадивым хозяином и его полудохлыми «конфузливыми» животными. Драма одинокой и нищей старости не трогала ни ума, ни сердца. Как далёк я был

от её понимания! А вот Чехов (совсем ещё юный!) отлично понимал...

Перечитывая на склоне жизни этот «юмористический» рассказ, мысленно поменял имя героя, и вышла правда обо мне: «Мещанин Георгий Валентинович Куликов, старик лет семидесяти, дряхлый и одинокий (в душе – Г.К.), проснулся от холода и старческой ломоты во всём теле». Как тут не улыбнуться! Но вскоре настрой стал серьёзнее. «По давнишней привычке, – читаю чуть дальше, – он долго стоял перед образом и молился. Прочёл «Отче наш», «Богородицу», «Верую» и помянул длинный ряд имён». Это место раньше звучало для меня какой-то тарабарщиной. Казалось бы (чего же проще?), спроси у преподавателя. Да как-то лень было, а точнее – даже в голову не приходило выяснять, о чём тут, собственно, речь. Для советского школьника, в общем-то, не удивительно. Современный же школяр, надеюсь, хоть что-то в деле молитвы понимает. Ну а я, уже достаточно искушённый, прочтя эту «тарабарщину», с радостным удивлением обнаружил, что Чехов ввел в рассказ, ни много, ни мало, а молитвенное правило, рекомендованное преподобным Серафимом Саровским мирянам, обременённым земными заботами.

Герой рассказа, увидав смерть своих «питомцев»,

сунул голову в станок живодёра... Концовка допускает (хотя и за кадром!) смертельный исход: «Потом до самого вечера его глаза заволакивало мутной пеленой, и он не мог разглядеть даже своих пальцев». Однако при внимательном чтении нельзя не учесть такие замечания: «мало он помнит из того», «ему помнится», «помнит, что он сдуру и спьяна». Они прямо указывают на то, что после удара по голове Михаил Петров Зотов всё-таки оклемался.

И ещё одно, напоследок, наблюдение (в конце рассказа): «...собрал в узел всю свою одежду, помолился, взял палку и пошёл со двора». Главное тут слово (раньше его вообще не замечал!), конечно же, «помолился», потому что по-русски: без Бога ни до порога! И Господь не оставил старика – не дал ему «сдуру и спьяна» умереть.

Известно, что Чехов в отношении Церкви был индифферентен. Во всяком случае, своё к ней благорасположение никогда не выпячивал. Но то, что творчество писателя не только согрето чувством христианской любви и сострадания, но и, по сути, им живо (ГЛАВНЫЙ НЕРВ!), мне кажется, сегодня никто уже не станет оспаривать.

Георгий Куликов

ВДОХНОВЕНИЕ НА ЛИСТЕ БУМАГИ

В редакцию журнала «Православный христианин» приходят письма, на страницах которых люди делятся своим творчеством. Для кого-то первый шаг к опубликованию душой написанных строк дается очень непросто. Делиться сокровенным – это трудный, но достойный шаг. В этом номере журнала мы предлагаем два стихотворения жителя города Калуги Анатолия Андреевича Сорокина.

ПОКАЯНИЕ

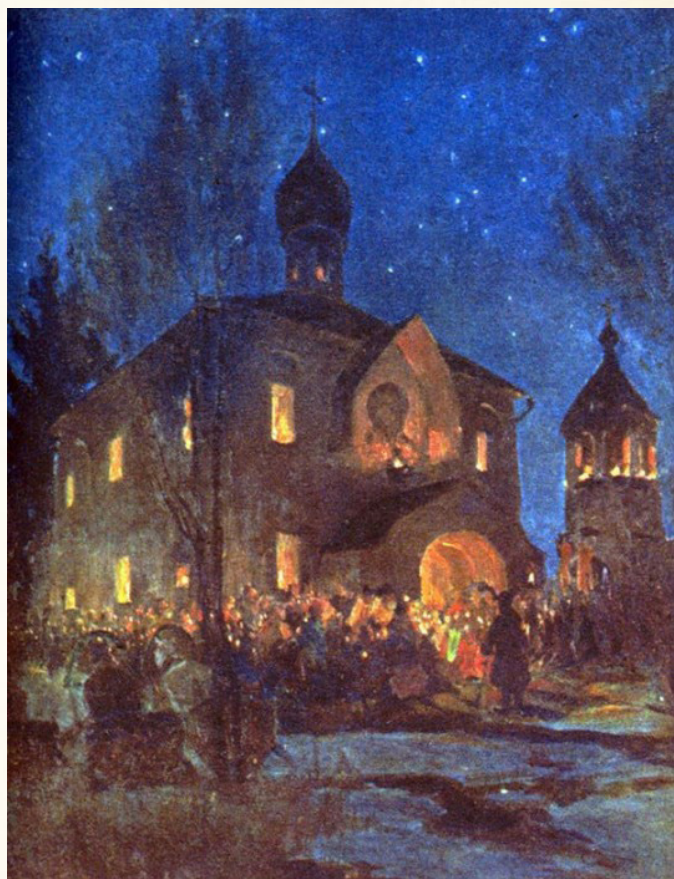
По горячим углям босиком я иду.
С каждым шагом у Бога я прощенья прошу.
Жизнь в подарок Бог дал.
Жил у всех на виду.
Мало сделал добра.
Осознал лишь к концу.
Если б вновь жизнь начать,
Только кто разрешит?
Это надо у Бога очень сильно просить.
Все способен Он дать,
Если буду делами Его очень любить,
Всем обиды прощать, как себя всех ценить.
И живых, и усопших родителей чтить.
Исключить чертыханья, зависть, ложь и обман,
Быть любимым для всех
По хорошим делам!

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Какой великий день для всех,
Он праздником озвучен!
В сей Божий день
Христос воскрес!
Зря до смерти был мучен.
Он в одиночку претерпел
Немыслимые муки.
Пришел спасти нас от греха.
И спас! И торжествуйте, люди.

Анатолий Сорокин (82 года)

Пасха глазами художников

Б. М. Кустодиев «Канун Пасхи»

М. А. Мохов «Пасха»

Ю. А. Кузенкова «Пасха»

Христос воскрес!

Христос воскрес! Опять с зарею
Редает долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.
Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;
Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!

Они в выси пока сияют.
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.
Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов, и в глубь долин;
Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!

И. А. Бунин. 1896 г.

С. Ю. Жуковский «Пасхальный натюрморт»